

14 (52) 15

Вмѣсто предисловія

2

(КИРХЕГАРДТЪ И ДОСТОЕВСКІЙ *)

~~(Голоса вопиющихъ въ пустыни)~~

12/12

Вы, конечно, не ждете отъ меня, чтобы въ теченіе одного часа, который предоставленъ въ мое распоряженіе, я сколько-нибудь исчерпалъ сложную и трудную тему о творчествѣ Кирхегардта и Достоевскаго. Я потому ограничу свою задачу: буду говорить лишь о томъ, какъ понимали Достоевскій и Кирхегардтъ первородный грѣхъ или — ибо это одно и то же — объ умозрительной и откровенной истинѣ. Но нужно впередъ сказать, что за такое короткое время врядъ-ли удастся выяснить съ желательной полнотой даже то, что они думали и рассказали намъ о паденіи человѣка. Въ лучшемъ случаѣ удастся намѣтить — и то схематически — почему первородный грѣхъ приковалъ къ себѣ вниманіе этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей XIX столѣтія. Къ слову сказать, и у Нитше, который, по обычнымъ представленіямъ былъ такъ далекъ отъ библейскихъ темъ, проблема грѣхопаденія является осью или стержнемъ всей его философской проблематики. Его главная, основная тема — Сократъ, въ которомъ онъ видитъ декадента, т.-е. падшаго человѣка по преимуществу. При чемъ паденіе Сократа онъ усматриваетъ въ томъ, въ чемъ исторія — и въ особенности исторія философіи — находили всегда и насъ поучали находить его величайшую заслугу: въ его безпредѣльномъ довѣріи къ разуму и добываемому разумомъ знанію. Когда читаешь размышленія Нитше о Сократѣ, все время невольно вспоминаешь библейское сказаніе о запретномъ деревѣ и соблазнительныя слова искушителя: будете знающими. Еще больше, чѣмъ Нитше, и еще настойчивѣе говорить намъ о Сократѣ Кирхегардтъ. И это тѣмъ болѣе поражаетъ, что для Кирхегардта Сократъ самое замѣчательное явленіе въ исторіи человѣчества до появленія на горизонтѣ Европы

72 ТГ

*) Докладъ, прочитанный въ религіозно-философской Академіи въ Парижѣ 5-го Мая 1935 г.

2
той таинственной книги, которая такъ и называется книгой
т. е. Библии.

Грѣхопаденіе тревожило человѣческую мысль съ самыхъ
отдаленныхъ временъ. Всѣ люди чувствовали, что въ мірѣ
не все благополучно и даже очень неблагополучно: «нечисто
что-то въ датскомъ королевствѣ», говоря словами Шекспира —
и дѣлали огромныя и напряженнѣйшія усилія, чтобы выяс-
нить, откуда пришло это неблагополучіе. И нужно сейчасъ-
же сказать, что греческая философія, равно какъ и философія
другихъ народовъ, не исключая народовъ дальняго востока,
на поставленный такъ вопросъ давала отвѣтъ прямо противо-
положный тому, который мы находимъ въ повѣствованіи
книги Бытія. Одинъ изъ первыхъ великихъ греческихъ фи-
лософовъ, Анаксимандръ, въ сохранившемся послѣ него от-
рывкѣ говорить: «откуда пришло, отдѣльнымъ существамъ ихъ
рожденіе, оттуда, по необходимости, приходитъ къ нимъ и ги-
бель. Въ установленное время они несутъ наказаніе и полу-
чаютъ возмездіе одно отъ другого за свое нечестіе». Эта мысль
Анаксимандра проходитъ черезъ всю древнюю философію:
появленіе единичныхъ вещей, главнымъ образомъ, конечно,
живыхъ существъ и по преимуществу людей, разсматривается,
какъ нечестивое дерзновеніе, справедливымъ возмездіемъ за
которое является смерть и уничтоженіе ихъ. Идея о γενεσις'ѣ
и φθορά (рожденіе и уничтоженіе) есть исходный пунктъ ан-
тичной философіи (она же, повторю, неотвязно стояла предъ
основателями религій и философій дальняго востока). Есте-
ственная мысль человѣка, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ,
безвольно, точно заколдованная останавливалась предъ роко-
вой необходимостью, занесшей въ міръ страшный законъ о смер-
ти, неразрывно связанной съ рожденіемъ человѣка и объ унич-
тоженіи, ждущемъ все, что появилось и появляется. Въ са-
момъ бытіи человѣка мысль открывала что-то недолжное,
порокъ, болѣзнь, грѣхъ и, соотвѣтственно этому, мудрость
требовала преодоленія въ корнѣ того грѣха, т. е. отреченія
отъ бытія, которое, какъ имѣющее начало, осуждено на неиз-
бѣжный конецъ. Греческій катарзисъ, очищеніе имѣетъ сво-
имъ источникомъ убѣжденіе, что непосредственные данныя со-
знанія, свидѣтельствующія о неизбежной гибели всего рождаю-
щаго, открываютъ намъ премірную, вѣчную, неизмѣнную и
навсегда непреодолимую истину. Дѣйствительное, настоящее
бытіе (ὄντως ὄν) нужно искать не у насъ и не для насъ, а тамъ,
гдѣ власть закона о рожденіи и уничтоженіи кончается, т. е.
тамъ, гдѣ нѣтъ и не бываетъ рожденія, а потому нѣтъ и не бы-
ваетъ уничтоженія. Отсюда и пошла умозрительная филосо-
фія. Открывшійся умному зрѣнію законъ о неизбежной ги-
бели всего возникающаго и сотвореннаго представляется намъ

навѣки присущимъ самому бытію: греческая философія въ этомъ такъ-же непоколебимо убѣждена, какъ и мудрость индусовъ, а мы, которыхъ отдѣляютъ отъ грековъ и индусовъ тысячелѣтія, такъ же неспособны вырваться изъ власти этой самоочевиднѣйшей истины, какъ и тѣ, которые впервые ее обнаружили и показали намъ. е

Только книга книгъ въ этомъ отношеніи оставляетъ загадочное исключеніе.

Въ ней разсказывается прямо противоположное тому, что люди усмотрѣли своимъ умнымъ зрѣніемъ. Все было создано, читаемъ мы въ самомъ началѣ книги Бытія, Творцомъ, все имѣло начало, но это не только не разсматривается, какъ условіе ущербности, недостаточности, порочности и грѣховности бытія, но, наоборотъ, въ этомъ залогъ всего, что можетъ быть хорошаго въ мірозданіи; иначе говоря, творческій актъ Бога есть источникъ и при томъ единственный всего хорошаго. Вечеромъ cadaго дня творенія, Господь, оглядываясь на сотворенное говорилъ: «добро зѣло», а въ послѣдній день, осмотрѣвъ все, Имъ созданное, увидѣлъ Богъ, что все добро зѣло. И міръ и люди (которыхъ Богъ благословилъ), созданные Творцомъ и потому именно, что они были Имъ созданы, были совершенными и не имѣли никакихъ недостатковъ: зла въ сотворенномъ Богомъ мірѣ не было, не было и грѣха, отъ котораго зло началось. Зло и грѣхъ пришли послѣ. Откуда? И на этотъ вопросъ Писаніе даетъ опредѣленный отвѣтъ. Богъ насадилъ въ эдемскомъ саду, среди прочихъ деревьевъ, дерево жизни и дерево познанія добра и зла. И сказалъ первому человѣку: плоды отъ всѣхъ деревьевъ можете ѣсть, но плодовъ отъ дерева познанія не касайтесь, ибо въ тотъ день, когда коснетесь ихъ, смертію умрете. Но искушитель — въ Библии онъ названъ змѣемъ, который былъ хитрѣе всѣхъ, созданныхъ Богомъ звѣрей, — сказалъ: «нѣтъ, не умрете, но откроются глаза ваши и вы будете, какъ Боги, знающими». Человѣкъ поддался искушенію, вкусилъ отъ запретныхъ плодовъ, глаза его открылись и онъ сталъ знающимъ. Что ему открылось? Что онъ узналъ? Открылось ему то, что открылось греческимъ философамъ и индусскимъ мудрецамъ: божественное «добро зѣло» не оправдало себя — въ сотворенномъ мірѣ не все добро, въ сотворенномъ мірѣ — и именно потому, что онъ сотворенъ, — не можетъ не быть зла, при томъ много зла и зла нестерпимаго. Объ этомъ свидѣлствуетъ съ непререкаемой очевидностью все, что насъ окружаетъ — непосредственныя данныя сознанія; и тотъ, кто глядитъ на міръ съ «открытыми глазами», тотъ, кто «знаетъ», иначе объ этомъ судить не можетъ. Съ того момента, когда человѣкъ сталъ «знающимъ», иначе говоря,

3
вмѣстѣ со «знаніемъ» вошелъ въ міръ грѣхъ, а за грѣхомъ и зло. Такъ по Библіи.

Предъ нами, людьми 20-го столѣтія, вопросъ стоитъ такъ же, какъ онъ стоялъ предъ древними: откуда грѣхъ, откуда связанные съ грѣхомъ ужасы жизни? Есть-ли порокъ въ самомъ бытіи, которое, какъ сотворенное, хотя и Богомъ, какъ имѣющее начало, неизбежно, въ силу предвѣчнаго, никому и ничему не подвластнаго закона, должно быть обременено несовершенствами, впередъ обрекающими его на гибель, или грѣхъ и зло въ «знаніи», въ «въ открытыхъ глазахъ», въ «умномъ зрѣніи» т. е. отъ плодовъ съ запретнаго дерева. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ прошлаго столѣтія, впитавшій въ себя (и въ томъ его смыслъ и значеніе) всю европейскую мысль за 25 вѣковъ ея существованія, Гегель, безъ всякаго колебанія утверждаетъ: змѣй не обманулъ человѣка, плоды съ дерева познанія стали источникомъ философіи для всѣхъ будущихъ временъ. И нужно сейчасъ же сказать: исторически Гегель правъ. Плоды съ дерева познанія дѣйствительно стали источникомъ философіи, источникомъ мышленія для всѣхъ будущихъ временъ. Философы, — при чемъ не только языческіе, чуждые св. Писанію, но и философы еврейскіе и христіанскіе, признававшіе Писаніе боговдохновенной книгой, — всѣ хотѣли быть знающими и не соглашались отречься отъ плодовъ съ запретнаго дерева. Для Климента Александрійскаго (начало III вѣка) греческая философія есть Второй Вѣтхій Завѣтъ. Онъ же утверждалъ, что, если бы можно было гнозисъ (т. е. знаніе) отдѣлить отъ вѣчнаго спасенія и, если бы ему былъ предоставленъ выборъ, онъ выбралъ бы не вѣчное спасеніе, а гнозисъ. Вся средневѣковая философія шла въ томъ же направленіи. Даже мистики въ этомъ отношеніи не представляли исключенія. Неизвѣстный авторъ прославленной *Theologia deutsch* утверждалъ, что Адамъ могъ бы хотѣть двадцать яблокъ съѣсть, никакой бѣды бы не было. Грѣхъ пришелъ не отъ плодовъ съ дерева познанія: отъ познанія не можетъ придти ничего дурнаго. Откуда у автора *Theologia deutsch* эта увѣренность, что отъ знанія не могло придти зло? Онъ не ставитъ этого вопроса: ему, очевидно, и на умъ не приходитъ, что истину можно искать и найти въ Писаніи. Истину нужно искать только въ собственномъ разумѣ и только то, что разумъ признаетъ истиной — есть истина. Змѣй не обманулъ человѣка.

Кирхегардтъ, какъ и Достоевскій, оба родившіеся въ первой четверти XIX столѣтія (только Кирхегардтъ, умершій на 44 году и бывшій старше Достоевскаго на десять лѣтъ, уже закончилъ свою литературную дѣятельность, когда Достоевскій только начиналъ писать) и жившіе въ ту эпоху, когда Гегель былъ властителемъ думъ въ Европѣ, не могли, конечно,

72 Т 2
не чувствовать себя всецѣло во власти гегелевской философіи. Правда, Достоевскій, надо думать, никогда не читалъ ни одной строчки Гегеля — въ противоположность Кирхегардту, который Гегеля зналъ превосходно — но Достоевскій еще въ ту пору, когда онъ принадлежалъ къ кружку Бѣлинскаго усвоилъ себѣ въ достаточной мѣрѣ основныя положенія гегелевской философіи. Достоевскій обладалъ необычайнымъ чувствомъ къ философскимъ идеямъ и ему достаточно было того, что привозили изъ Германіи друзья Бѣлинскаго, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ поставленныхъ и разрѣшенныхъ гегелевской философіей проблемахъ. Но даже и не только Достоевскій, но и самъ Бѣлинскій, «недоучившійся студентъ» и, конечно, въ смыслѣ философской прозорливости стоявшій далеко позади Достоевскаго, вѣрно почувствовалъ и не только почувствовалъ, но и нашелъ нужныя слова чтобы выразить все то, что было для него непріемлемымъ въ ученіи Гегеля и что потомъ оказалось равно непріемлемымъ и для Достоевскаго. Напомню вамъ отрывокъ изъ знаменитаго письма Бѣлинскаго: «если бы мнѣ и удалось взлѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія — я и тамъ бы попросилъ васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи Филиппа II-го и пр. и пр.: иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головой. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братьевъ по крови»... Нечего и говорить, что, если бы Гегелю довелось прочесть эти строки Бѣлинскаго, онъ бы только презрительно пожалъ плечами и назвалъ бы Бѣлинскаго варваромъ, дикаремъ, невѣждой: явно, что не вкусилъ отъ плодовъ дерева познанія и потому даже не подозреваетъ, что существуетъ непреложный законъ, въ силу котораго все, имѣющее начало, т. е. именно люди, за которыхъ онъ такъ страстно вступается, должно имѣть конецъ и, стало быть, вовсе не къ кому и незачѣмъ обращаться съ требованіями объ отчетѣ о существахъ, которыя, какъ конечныя, никакой охранѣ и защитѣ не подлежатъ. Не только первыя попавшіяся жертвы случайностей не подлежатъ охранѣ и защитѣ: даже такіе, какъ Сократъ, Джіордано Бруно и многіе другіе, великіе, величайшіе люди, мудрецы-праведники — всѣхъ колесо историческаго процесса безпощадно размалываетъ и такъ же мало это замѣчаетъ, какъ если бы они были неодушевленными предметами. Философія духа именно потому и есть философія духа, что она умѣетъ возвыситься надъ всѣмъ конечнымъ и преходящимъ. И, наоборотъ, все конечное и преходящее только тогда пріобщится философіи духа, когда оно перестанетъ пѣчься о своихъ ничтожныхъ, и потому не заслуживающихъ никакихъ заботъ интересахъ.

4

Такъ бы сказалъ Гегель — и сослался бы при томъ на ту главу своей «исторіи философіи», въ которой объясняется, что Сократу такъ и полагалось быть отравленнымъ и что въ этомъ никакой бѣды не было: умеръ старый грекъ — стоитъ ли изъ такого пустяка шумъ поднимать? Все дѣйствительное разумно, т. е. оно не можетъ и не должно быть другимъ, чѣмъ оно есть. Кто этого не постигаетъ, тотъ не философъ, тому не дано умнымъ зрѣніемъ проникнуть въ сущность вещей. Мало того: кому это не открылось, тотъ не въ правѣ себя считать — все по Гегелю — религіознымъ человѣкомъ. Ибо религія, всякая, а въ особенности религія абсолютная — такъ Гегель называетъ христіанство — открываетъ людямъ въ образахъ, т. е. менѣе совершенно то-же, что мыслящій духъ самъ усматриваетъ въ сущности бытія. «Истинное содержаніе христіанской вѣры поэтому оправдывается философіей, а не исторіей (т. е. тѣмъ, что рассказано въ Св. Писаніи), говоритъ онъ въ своей «философіи религіи». Это значитъ, что Писаніе приемлемо лишь настолько, насколько мыслящій духъ признаетъ его соотвѣтствующимъ тѣмъ истинамъ, которыя онъ самъ добываетъ или, какъ выражается Гегель, самъ черпаетъ изъ самого себя. Все же остальное должно быть отвергнуто. Мы уже знаемъ, что мыслящій духъ Гегеля вычерпалъ изъ себя, что, вопреки Писанію, змѣй не обманулъ человѣка и что плоды съ запретнаго дерева принесли намъ самое лучшее, что можетъ быть въ жизни — знаніе. Такъ же точно мыслящій духъ отвергаетъ — какъ невозможное и чудеса, о которыхъ въ Писаніи повѣствуется. Какъ глубоко презиралъ Гегель Писаніе можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: «досталось ли гостямъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской больше или меньше вина, это совершенно безразлично, и такъ-же чистая случайность, что у кого то оказалась исцѣленной парализованная рука: миллионы людей ходятъ съ парализованными руками и съ искалѣченными другими членами, и никто ихъ не исцѣляетъ. А въ вѣтхомъ Заветѣ передается, что при выходѣ изъ Египта на дверяхъ еврейскихъ домовъ были сдѣланы красные значки, чтобы ангелъ Господній могъ опознать ихъ. Такая вѣра для духа не имѣетъ никакого значенія. Самыя ядовитыя насмѣшки Вольтера направлены противъ такой вѣры. Онъ говоритъ, что лучше бы Богъ научилъ евреевъ безсмертію души, вмѣсто того, чтобъ учить, какъ отправлять естественныя потребности (aller à la selle). Отхожія мѣста, такимъ образомъ становятся содержаніемъ вѣры». Гегелевская «философія духа» съ насмѣшкой и презрѣніемъ относится къ Писанію и приемлетъ только то изъ Библіи, что можетъ «оправдаться» предъ разумнымъ сознаніемъ. Въ «откровенной» истинѣ Гегель не нуждается, точнѣе онъ ея не приемлетъ или, если угод-

но, онъ откровенной истиной считаетъ то, что ему открываетъ его собственный духъ. Нѣкоторые протестантскіе богословы и безъ Гегеля объ этомъ догадались: чтобы не смущать себя и другихъ таинственной загадочностью библейскаго откровенія, они объявили всѣ истины откровенными. По гречески истина — ἀλήθεια; производя это слово отъ глагола — ἀ-ἀναγνάνω (прі-открывать) богословы освобождались отъ тяготящей просвѣщеннаго человѣка обязанности признавать привилегированное положеніе истинъ Писанія: всякая истина, именно потому, что она истина, открываетъ что-то, бывшее прежде прикрытымъ. Библейская истина, въ этомъ смыслѣ, не представляетъ исключенія и не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ другими истинами. Она только тогда и настолько можетъ быть намъ пріемлема, поскольку она можетъ оправдаться предъ нашимъ разумомъ, быть усмотрѣна нашими «открытыми глазами». Нечего и говорить, что при такомъ условіи придется отречься отъ трехъ четвертей того, что рассказано въ Писаніи, а что останется такъ истолковать, чтобы все тотъ-же разумъ не нашелъ въ этомъ ничего для себя оскорбительнаго. Для Гегеля (какъ и для средневѣковыхъ философовъ) величайшимъ авторитетомъ является Аристотель. Его «Энциклопедія философскихъ наукъ» заканчивается длинной выпиской (въ оригиналѣ, по-гречески) изъ аристотелевской метафизики на тему «ἡ θεωρία τῷ Ἀριστοῶν καὶ τῷ ἡδίστῳ», что значитъ: «созерцаніе есть самое лучшее и самое блаженное», и въ этой же энциклопедіи, въ началѣ третьей части, въ параграфахъ, возглавляющихъ «философію духа» онъ пишетъ: «книги Аристотеля о душѣ являются и сейчасъ лучшимъ и единственнымъ произведеніемъ умозрительнаго характера на эту тему. Существенная цѣль философіи духа можетъ быть лишь въ томъ, чтобы ввести въ познаніе духа идею понятія и такимъ образомъ открыть доступъ къ аристотелевскимъ книгамъ». Не даромъ Данте называлъ Аристотеля il maestro di coloro, che sanno (учителемъ тѣхъ, кто знаетъ). Кто хочетъ «знать», тотъ долженъ идти за Аристотелемъ. И видѣть въ его сочиненіяхъ — и «о душѣ», и въ «метафизикѣ», и въ «этикѣ» не только второй ветхій, какъ говорилъ Климентъ Александрійскій, но и второй новый Заветъ: видѣть въ немъ Библію. Онъ единственный учитель тѣхъ, кто хочетъ знать, кто знаетъ. Вдохновляемый все тѣмъ же Аристотелемъ, Гегель, въ своей «философіи религіи» торжественно возвѣщаетъ: «основная идея (христіанства) есть единство божественной и человѣческой природы: Богъ сталъ человѣкомъ». Или, въ другомъ мѣстѣ въ главѣ о «царствѣ духа»: «индивидуумъ долженъ проникнуться истиной о первичномъ единствѣ божественной и человѣческой природы и эту истину постигаетъ онъ въ вѣрѣ во Христа. Богъ уже не

ἀ-ἀναγνάνω

5

является для него потусторонностью». Это все, что принесла Гегелю «абсолютная религія». Онъ радостно приводит слова мастера Эккегарда (изъ его проповѣдей) и такія же слова Ангелуса Силезіуса: «если бы не было Бога, не было бы меня, если бы не было меня, не было бы Бога». Такимъ образомъ содержаніе абсолютной религіи истолковывается и возвышается до того уровня, на который поднялась мысль Аристотеля или библейскаго змѣя, обѣщавшаго нашему праотцу, что «знаніе» уравнить его съ Богомъ. И ни на минуту ему не приходитъ въ голову мысль, что въ этомъ таится страшное, роковое паденіе, что «знаніе» не равняетъ человѣка съ Богомъ, а отрываетъ его отъ Бога, отдавая его въ распоряженіе мертвой и мертвящей «истины». «Чудеса» Писанія, т. е. всемогущество Божіе, мы помнимъ, были имъ съ презрѣніемъ отвергнуты, ибо, какъ онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ: «нельзя требовать отъ людей, чтобъ они вѣрили въ вещи, въ которыя на известной ступени образованія они вѣрить не могутъ: такая вѣра есть вѣра въ содержаніе, которое является конечнымъ и случайнымъ т. е. не есть истинное: ибо истинная вѣра не имѣетъ случайнаго содержанія». Соотвѣтственно этому «чудо есть насиліе надъ естественной связью явленій и потому есть насиліе надъ духомъ».

II.

Мнѣ пришлось нѣсколько задержаться на умозрительной философіи Гегеля въ виду того, что и Достоевскій и Кирхегардтъ, первый, не давая себѣ въ томъ отчета, второй совершенно сознательно, видѣли свою жизненную задачу въ борьбѣ и преодолѣніи того строя идей, который гегелевская философія, какъ итогъ развитія европейской мысли, воплотила въ себѣ. Для Гегеля разрывъ естественной связи явленій, знаменующей собой власть Творца надъ міромъ и его всемогущество — невыносимая и самая страшная мысль: это есть для него «насиліе надъ духомъ». Онъ высмѣиваетъ библейскія повѣствованія — всѣ они принадлежатъ къ «исторіи», говорятъ только о «конечномъ», которое человѣкъ, желающій жить въ духѣ и истинѣ, долженъ стряхнуть съ себя. Это онъ называетъ «примиреніемъ» религіи и разума, такимъ образомъ религія получаетъ свое оправданіе черезъ философію, которая усматриваетъ въ многообразіи религіозныхъ построеній «необходимую истину» и въ ней, въ этой необходимой истинѣ, открываетъ «вѣчную идею». Несомнѣнно, что разумъ получаетъ такимъ образомъ полное удовлетвореніе. Но, что осталось отъ религіи, оправдавшей такимъ образомъ передъ разумомъ? Несомнѣнно тоже, что сведя содержаніе «абсолютной религіи»

Гу
V,
Дз
72
Fg
къ единству божественной и человѣческой природы, Гегель, и всякій, кто за нимъ шелъ, становился «знающимъ», какъ общалъ Адаму искушитель, соблазнявшій его плодами съ запретнаго дерева — т. е. обнаружилъ въ Творцѣ ту же природу, которая ему открыта въ его собственномъ существѣ. Но, затѣмъ ли мы идемъ къ религіи, чтобы приобрѣсти знаніе? Бѣлинскій добивался «отчета» по поводу всѣхъ жертвъ случайности, инквизиціи и т. д. Но развѣ знаніе озабочено такимъ отчетомъ? Развѣ знаніе можетъ дать такой отчетъ? Наоборотъ, знающему и въ особенности знающему истину о единствѣ природы Бога и человѣка, доподлинно извѣстно, что Бѣлинскій требуетъ невозможнаго; требовать же невозможнаго значитъ обнаруживать слабоуміе, какъ говорилъ Аристотель: тамъ, гдѣ начинается область невозможнаго, человѣческія домогательства должны прекратиться, тамъ, выражаясь языкомъ Гегеля, кончаются всѣ интересы духа.

И вотъ Кирхегардтъ, который воспитался на Гегелѣ, который самъ въ молодости благоговѣлъ предъ нимъ, столкнувшись съ той дѣйствительностью, которую Гегель во имя интересовъ духа, призывалъ людей стряхнуть съ себя, и вдругъ почувствовалъ, что въ философіи великаго учителя кроется предательская, роковая ложь и страшный соблазнъ. Онъ узналъ въ ней «eritis scientes» библейскаго змѣя: призывъ промѣнять ничего не страшущуюся вѣру въ свободнаго, живого Творца на покорность безраздѣльно надъ всѣмъ царящимъ, неизмѣннымъ, но ко всему безразличнымъ истинамъ. Отъ всѣми прославляемаго, знаменитаго мыслителя, отъ великаго ученаго онъ пошелъ, и не пошелъ, а бросился, какъ къ своему единственному спасителю къ «частному мыслителю», къ библейскому Іову. А отъ Іова — онъ пошелъ къ Аврааму, не къ Аристотелю, учителю тѣхъ, кто знаетъ, а къ тому, кто въ Писаніи называется отцомъ вѣры. Ради Авраама онъ покидаетъ даже самого Сократа. Сократъ тоже былъ знающимъ: языческій богъ черезъ γνῶθι σεαυτόν (познай самого себя) открылъ ему истину о единствѣ человѣческой и божественной природы за пять вѣковъ до того, какъ Библія дошла до Европы. Сократъ зналъ, что для Бога, какъ и для человѣка, не все возможно, что возможное и невозможное опредѣляется не Богомъ, а вѣчными законами, которымъ Богъ такъ же подчиненъ, какъ и человѣкъ. Оттого надъ исторіей, т. е. надъ дѣйствительностью Богъ не властенъ. «Сдѣлать однажды бывшее небывшимъ въ области чувственнаго міра нельзя, это можно только духовно, внутреннимъ образомъ сдѣлать» такъ говоритъ Гегель, и эта истина открылась ему, конечно, тоже не въ Писаніи, гдѣ столько разъ и такъ настойчиво повторяется, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго, и гдѣ даже человѣку обѣтова-

У,
V,
V,
V,

на власть надъ всѣмъ, что есть въ мірѣ — «если у васъ будетъ вѣра съ горчичное зерно, для васъ не будетъ ничего невозможнаго». Но философія духа этихъ словъ не слышитъ, не хочетъ слышать. Они ее возмущаютъ: чудо, помнимъ мы, есть насиліе надъ духомъ. Но, вѣдь, источникъ всего «чудеснаго» — есть вѣра, при томъ такая вѣра, которая дерзаетъ не искать оправданія у разума, которая нигдѣ оправданія не ищетъ, которая зоветъ все, что есть въ мірѣ, на свой судъ. Вѣра — надъ знаніемъ, по ту сторону знанія. Когда Авраамъ шелъ въ обѣтованную землю, объясняетъ апостолъ, онъ шелъ, самъ не зная, куда идетъ. Ему не нужно было знаніе, онъ жилъ обѣтованіемъ: куда онъ придетъ — и оттого, что онъ пришелъ — тамъ будетъ обѣтованная земля. Для философіи духа — такая вѣра не существуетъ. Для философіи духа вѣра есть только несовершенное знаніе, есть знаніе въ кредитъ, которое только тогда окажется истиннымъ, если оно добьется признанія разума. Съ разумомъ же и съ разумными истинами никто не въ правѣ спорить и не въ силахъ бороться. Разумныя истины — есть вѣчныя истины: ихъ нужно безотговорочно принять и усвоить. Гегелевское «все дѣйствительное — разумно» есть, такимъ образомъ, вольный переводъ Спинозовскаго — non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere (не смѣяться, не плакать, не проклинать, а понимать). Предъ вѣчными истинами равно склоняются и тварь и Творецъ. Этого положенія умо-зрительная философія ни за что не отдастъ и отстаиваетъ его всѣми силами. Гнозисъ — знаніе, пониманіе для нея дороже вѣчнаго спасенія, больше того, — въ гнозисѣ она находитъ вѣчное спасеніе. Оттого-то Спиноза съ такой непреклонностью возвѣстилъ: не плакать, не проклинать, а понимать. И тутъ, какъ и въ человѣческой / «разумной дѣйствительности» Кирхегардтъ прощупалъ, тутъ ему открылся смыслъ той таинственной, столь недоступной для насъ связи между знаніемъ и паденіемъ, которая устанавливается въ повѣствованіи книги Бытія. Св. Писаніе, вѣдь, знанія въ собственномъ смыслѣ этого слова не отвергало и не возбраняло. Наоборотъ, въ Писаніи сказано, что человѣкъ былъ призванъ давать названіе всѣмъ вещамъ. Но именно этого человѣкъ не захотѣлъ, не захотѣлъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ давать имена вещамъ, созданнымъ Творцомъ. Это превосходно выразилъ Кантъ въ первомъ изданіи «критики чистаго разума». «Опытъ, говоритъ онъ, показываетъ намъ, что существуетъ, но онъ намъ не говоритъ, что существующее необходимо должно существовать такъ (какъ оно существуетъ, а не иначе). Поэтому опытъ не даетъ намъ истинной всеобщности и разумъ, жадно стремящійся къ этого рода знанію, скорѣй раздражается, чѣмъ удовлетворяется опытомъ». Разумъ жадно стремится отдать че-

Гегелевский

6
V,
ловѣка во власть необходимости и свободный актъ творенія, о которомъ разсказано въ Писаніи, не только не удовлетворяетъ его, но раздражаетъ, тревожитъ и пугаетъ. Онъ предпочитаетъ отдать себя во власть необходимости, съ ея вѣчными, всеобщими и неизмѣнными принципами, чѣмъ вѣрится своему Творцу. Такъ было съ нашимъ праотцемъ, соблазненнымъ или замороженнымъ словами искусителя, такъ продолжаетъ быть и съ нами, съ величайшими представителями человѣческой мысли. Аристотель двадцать вѣковъ тому назадъ, Спиноза, Кантъ и Гегель въ новое время безудержно стремятся отдать себя и человечество во власть необходимости. И даже не подозреваютъ, что въ этомъ величайшее паденіе: въ гнозисѣ они видятъ не гибель, а спасеніе души.

12/6
V,
Кирхегардтъ тоже учился у древнихъ и въ молодости былъ страстнымъ поклонникомъ Гегеля. И лишь тогда, когда, по волѣ судьбы, онъ почувствовалъ себя цѣликомъ во власти той необходимости, къ которой такъ жадно стремился его разумъ, — ~~къ сожалѣнію у меня нѣтъ достаточно времени, чтобъ съ надлежащей обстоятельностью, какъ того требуетъ серьезность и значительность темы, остановиться на твореніяхъ Кирхегардта,~~ — онъ понялъ глубину и потрясающій смыслъ библейскаго повѣствованія о паденіи человѣка. Вѣру, опредѣлявшую собой отношеніе твари къ Творцу и знаменовавшую собой ничѣмъ не ограниченную свободу и безпредѣльные возможности, мы промѣняли на знаніе, на рабскую зависимость отъ мертвыхъ и мертвящихъ вѣчныхъ принциповъ. Можно ли придумать болѣе страшное и болѣе роковое паденіе? И тогда Кирхегардтъ почувствовалъ, что начало философіи — не удивленіе, какъ учили греки, а отчаяніе: *de profundis ad te, Domine, clamavi*. И что у «частнаго мыслителя» Іова можно найти такое, что не приходило на умъ прославленному философу и знаменитому профессору. Въ противоположность Спинозѣ и тѣмъ, кто до и послѣ Спинозы искалъ въ философіи «пониманія» (*intelligere*) и возводилъ человѣческой разумъ въ судьи надъ самимъ Творцомъ, Іовъ своимъ примѣромъ учитъ насъ, что, чтобъ постичь истину, нужно не гнать отъ себя и не возбранять себѣ *«lugere et detestari»*, а изъ нихъ исходить. Знаніе, т. е. готовность принять за истину то, что представляется самоочевиднымъ, т. е. то, что усматривается «открывшимися» у насъ послѣ паденія глазами (Спиноза называетъ это *oculi mentis*, у Гегеля — «духовное» зрѣніе), неизбежно ведетъ человѣка къ гибели. «Праведникъ живъ будетъ вѣрой» говоритъ пророкъ, и апостолъ повторяетъ за нимъ эти слова. «Все, что не отъ вѣры есть грѣхъ» — только этими словами мы можемъ защищаться отъ искушенія «будете знающими», которымъ прельстился первый человѣкъ и во власти котораго

7

находимся мы всё. Отвергнутымъ умозрительной философией «lugere et detestari», плачу и взыванію Іовъ возвращаетъ ихъ исконныя права: права выступать судьями, когда начинаютъ рассказанія о томъ, гдѣ истина и гдѣ ложь. «Человѣческая трусость не можетъ вынести того, что намъ рассказываютъ безуміе и смерть» и люди отворачиваются отъ ужасовъ жизни и довольствуются «утѣшеніями», заготовленными философией духа. «Но Іовъ, продолжаетъ Кирхегардтъ, доказалъ ширину своего міровоззрѣнія той непоколебимостью, которую онъ противопоставилъ ухищреніямъ и коварнымъ нападкамъ этики» (т. е. философіи духа: друзья Іова говорили ему тоже, что впоследствии возвѣстилъ Гегель въ своей «философіи духа»). И еще: «величіе Іова въ томъ, что паёсь его нельзя разрядить и удушить лживыми посулами и обѣщаніями» (все той же философией духа). И, наконецъ, послѣднее: «Іовъ благословенъ. Ему вернули все, что у него было. И это называется повтореніемъ. Когда наступаетъ повтореніе? На человѣческомъ языкѣ этого не скажешь: *когда всяческая мыслимая для человѣка несомнѣнность и вѣроятность говоритъ о невозможномъ*». А въ дневникѣ своемъ онъ записываетъ: «только дошедшій до отчаянія ужасъ развиваетъ въ человѣкѣ его высшія силы». Для Кирхегардта и для его философіи, которую онъ, въ противоположность философіи умозрительной или спекулятивной, называетъ философией экзистенціальной, т. е. философией, несущей человѣку не «пониманіе», а жизнь («праведный живъ будетъ вѣрой») вопли Іова не являются только воплями, т. е. бессмысленными, ни для чего ненужными, всѣмъ докучными криками — для него въ этихъ крикахъ открывается новое измѣреніе истины, онъ чувствуетъ въ нихъ дѣйственную силу, отъ которой, какъ отъ трубъ іерихонскихъ, должны повалиться крѣпостныя стѣны. Это — основной мотивъ экзистенціальной философіи. Кирхегардтъ не хуже другихъ знаетъ, что для умозрительной философіи философія экзистенціальная есть величайшая нелѣпость. Но это его не останавливаетъ, наоборотъ — вдохновляетъ его. Въ «объективности» умозрительной философіи онъ видитъ ея основной порокъ. «Люди стали, пишетъ онъ, слишкомъ объективными, чтобъ обрѣсти вѣчное блаженство: вѣчное блаженство состоитъ въ страстной, безконечной заинтересованности». И такая безконечная заинтересованность есть начало вѣры. «Если я отъ всего отрекаюсь (какъ того требуетъ умозрительная философія, которая черезъ діалектику конечнаго «освобождаетъ» человѣческій духъ) — это еще не вѣра, пишетъ Кирхегардтъ по поводу жертвы Авраама, это только покорность. Это движеніе я дѣлаю собственными силами. И, если я его не дѣлаю, то лишь изъ трусости и слабости. Но, вѣруя, я ни отъ чего не отрекаюсь».

изысканія

125

и

125

125

изысканія

Наоборотъ, черезъ вѣру я все приобретаю: если у кого есть вѣра съ горчичное зерно, тотъ можетъ сдвигать горы. Нужно чисто человѣческое мужество, чтобъ отречься отъ конечнаго ради вѣчнаго. Но нужно парадоксальное и смиренное мужество, чтобы въ силу Абсурда владѣть всѣмъ конечнымъ. Это и есть мужество вѣры. Вѣра не отняла у Авраама его Исаака. Черезъ вѣру онъ его получилъ». Можно было бы привести еще сколько угодно цитатъ изъ Кирхегардта, въ который выражается та же мысль. «Рыцарь вѣры, заявляетъ онъ, есть настоящій счастливецъ, владѣющій всѣмъ конечнымъ». Кирхегардтъ превосходно видитъ, что такого рода утвержденія являются вызовомъ всему тому, что намъ подсказываетъ естественное человѣческое мышленіе. Оттого онъ ищетъ покровительства не у разума съ его всеобщими и необходимыми сужденіями, къ которымъ такъ жадно стремился Кантъ, а у Абсурда т. е. у вѣры, которую разумъ квалифицируетъ, какъ Абсурдъ. Онъ знаетъ по своему собственному опыту, что «вѣрить противъ разума есть мученичество». Но только такая вѣра, вѣра, которая не ищетъ и не можетъ найти оправданія у разума, есть, по Кирхегардту, вѣра св. Писанія. Она одна лишь даетъ надежду человѣку преодолѣть ту необходимость, которая, черезъ разумъ вошла въ міръ и стала въ немъ господствовать. Когда Гегель превращаетъ истину Писанія, истину откровенную, въ истину метафизическую, когда, вмѣсто того, чтобы сказать — Богъ принялъ образъ человѣка, или, что человѣкъ былъ созданъ по образу и подобию Божію, онъ возвѣщаетъ, что «основная идея абсолютной религіи единство божественной и человѣческой природы», онъ убиваетъ вѣру. Смыслъ гегелевскихъ словъ тотъ-же, что и смыслъ словъ Спинозы: Deus si soli suae naturae legibus et nemine coactus agit — Богъ дѣйствуетъ только по законамъ своей природы и никому не принуждается. И содержаніе абсолютной религіи сводится опять же къ положенію Спинозы: res nullo alio modo vel ordine a Deo produci potuerunt quam productae sunt — вещи не могли никакимъ инымъ способомъ и ни въ какомъ иномъ порядкѣ быть созданы Богомъ, чѣмъ онѣ были созданы. Спекулятивная философія не можетъ существовать безъ идеи Необходимости: она ей нужна, какъ воздухъ человѣку, какъ рыба — вода. Оттого истины опыта такъ раздражаютъ разумъ. Онъ твердятъ о божественномъ fiat и не даютъ настоящаго — т. е. принуждающаго, нудящаго знанія. Но для Кирхегардта принуждающее знаніе есть мерзость заустѣнія, есть источникъ первороднаго грѣха, черезъ eritis scientes искушитель привелъ къ паденію перваго человѣка. Соответственно этому для Кирхегардта «понятіе» противоположное грѣху есть не добродѣтель, а свобода» и тоже «противопо-

ложное понятіе грѣху есть вѣра». Вѣра, только вѣра освобождаетъ отъ грѣха человѣка; вѣра, только вѣра можетъ вырвать человѣка изъ власти необходимыхъ истинъ, которыя овладѣли его сознаниемъ послѣ того, какъ онъ отвѣдалъ плодовъ съ запретнаго дерева. И только вѣра даетъ человѣку мужество и силы, чтобы глядѣть въ глаза смерти и безумію и не склоняться безвольно предъ ними. «Представьте себѣ, пишетъ Киркегардтъ, человѣка, который со всѣмъ напряженіемъ испуганной фантазіи вообразилъ себѣ нѣчто неслыханно ужасное, такое ужасное, что вынести его совершенно невозможно. И вдругъ это ужасное встрѣтилось на его пути, стало его дѣйствительностью. По человѣческому разумѣнію — гибель его неизбежна... Но для Бога — все возможно. Въ этомъ и состоитъ *борьба вѣры: безумная борьба о возможности*. Ибо только возможность открываетъ путь къ спасенію... Въ послѣднемъ счетѣ остается одно: *для Бога все возможно*. И тогда только открывается дорога вѣры. Вѣрять только тогда, когда человѣкъ не можетъ уже открыть никакой возможности. Богъ значитъ, что все возможно и, что все возможно — значитъ Богъ. И только тотъ чье существо такъ потрясено, что онъ становится духомъ и постигаетъ, что все возможно, только тотъ подошелъ къ Богу». Такъ пишетъ Киркегардтъ въ своихъ книгахъ, то же непрерывно повторяетъ онъ и въ своемъ дневникѣ.

12/9

12/9

III

И тутъ онъ до такой степени приближается къ Достоевскому, что можно, не боясь упрека въ преувеличеніи, назвать Достоевскаго двойникомъ Киркегардта. Не только идеи, но и методъ разысканія истины у нихъ совершенно одинаковы и въ равной мѣрѣ не похожи на то, что составляетъ содержаніе умозрительной философіи. Отъ Гегеля Киркегардтъ ушелъ къ частному мыслителю — Іову. То-же сдѣлалъ и Достоевскій. Всѣ эпизодическія вставки въ его большихъ романахъ — «Исповѣдь Ипполита» въ «Идіотѣ», размышленія Ивана и Мити въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Кириллова — въ «Бѣсахъ», его «записки изъ подполья» и его небольшіе рассказы, опубликованные имъ въ послѣдніе годы жизни въ «Дневникѣ писателя» («Сонъ смѣшного чело^вѣка», «Кроткая») — всѣ они какъ у Киркегардта, являются варіаціями на темы «книги Іова». «Зачѣмъ мрачная косность разбила то, что всего дороже? пишетъ онъ въ «Кроткой». Я отдѣляюсь. Косность! О природа! Люди на землѣ одни — вотъ бѣда». Достоевскій, какъ и Киркегардтъ, «выпалъ изъ общаго» или, какъ онъ самъ выра-

12/9

12/9

12/9

12 19
1
жаются, изъ «всѣмства». И вдругъ почувствовалъ, что къ всѣм-
ству нельзя и не нужно возвращаться, что всѣмство — т. е.
то, что всѣ, всегда и вездѣ считаютъ за истину, есть обманъ,
есть страшное наважденіе, что отъ всѣмства, къ которому
насъ призываетъ нашъ разумъ, пришли на землю всѣ ужасы
бытія. Въ «Снѣ смѣшного человѣка» онъ, съ нестерпимой для
нашихъ глазъ отчетливостью, открываетъ смыслъ того «бу-
дете знающими», которымъ библейскій змѣй соблазнилъ на-
шего праотца и продолжаетъ всѣхъ насъ соблазнять и доны-
нѣ. Разумъ нашъ, какъ говоритъ Кантъ, жадно стремится ко
всеобщности и необходимости, — Достоевскій, вдохновляемый
Писаніемъ, напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ
власти знанія. Какъ и Кирхегардтъ онъ отчаянно борется съ
умозрительной истиной и съ человѣческой діалектикой, сво-
дящей «откровеніе» къ познанію. Когда Гегель говоритъ о
«любви» — а Гегель не меньше говоритъ о любви, чѣмъ о един-
ствѣ божественной и человѣческой природы — Достоевскій
видитъ въ этомъ предательство: предается божественное слово.
«Я утверждаю, — пишетъ онъ въ «Дневникѣ писателя» т. е. V,
уже въ послѣдніе годы своей жизни, — что сознаніе своего
совершеннаго безсилія помочь или принести хоть какую ни-
будь пользу страждущему человѣчеству, въ то-же время при
полномъ убѣжденіи нашемъ въ этомъ страданіи человѣче-
ства, можетъ даже обратить въ сердцѣ вашемъ любовь къ чело-
вѣчеству въ ненависть къ нему». Это тоже, что и у Бѣлин-
скаго: требуется отчетъ о каждой жертвѣ случайности и исто-
ріи — т. е. о томъ, что, въ принципѣ, для умозрительной фи-
лософіи не заслуживаетъ, какъ сотворенное и конечное, ни-
какого вниманія и чему никто въ мірѣ, какъ это твердо знаетъ
умозрительная философія, помочь не можетъ. Еще съ боль-
шей страстностью, безудержемъ и съ единственной въ своемъ
родѣ смѣлостью мысль о тщетѣ умозрительной философіи
выражена Достоевскимъ въ слѣдующемъ отрывкѣ его «За-
писокъ изъ подполья». Люди, пишетъ онъ, «предъ невозмож-
ностью тотчасъ же смиряются. Невозможность значить ка-
менная стѣна. Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, за-
коны природы, выводы естественныхъ наукъ, математика.
Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ
ужъ нечего морщиться, принимай, какъ есть потому что это
— математика. Попробуйте возражать! Помилуйте, возразятъ
вамъ, возражать нельзя: это — дважды два четыре. Приро-
да васъ не спрашиваетъ: ей нѣтъ дѣла до вашихъ желаній и
до того, нравятся ли вамъ ея законы или не нравятся. Вы
обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а стало быть,
и ея результаты. Стѣна, значитъ, и есть стѣна и т. д. и т. д.».
Вы видите, что Достоевскій — не хуже, чѣмъ Кантъ и Гегель

напримѣръ, ~~объясды~~
слѣдственно ~~важничать~~

— сознаетъ смыслъ и значеніе тѣхъ всеобщихъ и необходи-
мыхъ сужденій, той принудительной, принуждающей истины,
къ которой зоветъ человѣка его разумъ. Но, въ противополож-
ность Канту и Гегелю, онъ не только не успокаивается на этихъ
«дважды два четыре» и «каменныхъ стѣнахъ», но наоборотъ
открываемая разумомъ самоочевидности будятъ въ немъ,
какъ и въ Кирхегардтѣ, величайшую тревогу. Что отдало че-
ловѣка во власть Необходимости? Какъ случилось, что судь-
ба живыхъ людей оказалась въ зависимости отъ каменныхъ
стѣнъ и дважды два четыре, которымъ до людей нѣтъ никакого
дѣла, которымъ вообще ни до кого и ни до чего никакого дѣ-
ла нѣтъ? Критика чистаго разума такого вопроса не ставитъ,
критика чистаго разума такого вопроса и не услышала бы
— если бы съ нимъ къ ней обратились. Достоевскій-же, не-
посредственно за приведеннымъ выше словами, пишетъ: «Гос-
поди, Боже мой, да какое ~~дѣло~~ мнѣ дѣло до законовъ природы
и ариеметики, когда мнѣ почему-то эти законы не нравятся?»
Разумѣется, я не пробую такой стѣны лбомъ, если и въ са-
момъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я не примирюсь съ ней
только потому, что это конечная стѣна, а у меня силъ не
хватило. Какъ будто такая стѣна и въправду есть успокое-
ніе, и въправду заключаетъ хоть какое нибудь слово на миръ.
Отнелѣпость нелѣпостей (подчеркнуто мной). Такъ, гдѣ
умозрительная философія усматриваетъ «истину», ту истину,
которой такъ жадно добивался нашъ разумъ и которой мы
всѣ поклоняемся, тамъ Достоевскій видитъ «нелѣпость нелѣ-
постей». Онъ отказывается отъ водительства разума и не толь-
ко не соглашается принять его истины, но со всей энергіей,
на которую онъ способенъ, обрушивается на наши истины:
откуда онѣ пришли, кто далъ имъ такую неограниченную
власть надъ человѣкомъ? И какъ случилось, что люди при-
няли ихъ, приняли все, что онѣ несли міру, и не только при-
няли, но обоготворили ихъ? Достаточно поставить этотъ во-
просъ — повторяю, критика чистаго разума такого вопроса
не ставила, не смѣла ставить — чтобы стало ясно, что отвѣ-
та на него нѣтъ и быть не можетъ, вѣрнѣе, что отвѣтъ на него
есть лишь одинъ: власть каменныхъ стѣнъ, власть дважды
два четыре или, выражаясь философскимъ языкомъ, власть
вѣчныхъ самоочевидныхъ истинъ надъ человѣкомъ, хотя она
представляется намъ лежащей въ самой основѣ бытія и пото-
му непреодолимой, есть все же власть призрачная. И это насъ
возвращаетъ къ библейскому сказанію о первородномъ грѣхѣ
и паденіи перваго человѣка. «Каменные стѣны» и «дважды
два четыре» — есть только конкретное выраженіе того, что
заключалось въ словахъ искушителя: будете знающими. Зна-
ніе не привело человѣка къ свободѣ, какъ мы привыкли думать

и какъ то провозглашаетъ умозрительная философія, знаніе закрѣпостило насъ, отдало на «потокъ и разграбленіе» вѣчнымъ истинамъ. Это постигъ Достоевскій, это же открылось Кирхегардту. «Грѣхъ, писалъ Кирхегардтъ, есть обморокъ свободы. Психологически говоря, грѣхопаденіе всегда происходитъ въ обморокъ». «Въ состояніи невинности, — продолжаетъ онъ, — миръ и спокойствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще что-то иное, не смятеніе, не борьба, — бороться, вѣдь, не изъ за чего. Но, что же это такое? Ничто. Какое дѣйствіе имѣетъ Ничто? Оно пробуждаетъ страхъ! И еще: «если мы спросимъ, что является предметомъ страха, то отвѣтъ будетъ одинъ: Ничто. Ничто и страхъ сопутствуютъ другъ другу, но какъ только обнаруживается дѣйствительность свободы духа, страхъ исчезаетъ. Чѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, является Ничто въ страхъ язычниковъ? Оно называется рокомъ. Рокъ есть Ничто страха». Рѣдко кому изъ писателей удавалось такъ наглядно передать смыслъ библейскаго повѣствованія о паденіи чело-
вѣка. Ничто, показанное искушителемъ нашему праотцу внушило ему страхъ предъ ничѣмъ неограниченной волей Творца и онъ бросился къ знанію, къ вѣчнымъ, несотвореннымъ истинамъ, чтобы защититься отъ Бога. И такъ продолжается донинѣ: мы боимся Бога, мы видимъ свое спасеніе въ знаніи, въ гнозисѣ. Можетъ ли быть болѣе глубокое, болѣе страшное паденіе? Поразительно, до какой степени размышленія Достоевскаго о каменныхъ стѣнахъ и дважды два четыре напоминаютъ то, что мы сейчасъ слышали отъ Кирхегардта. Люди пассуютъ предъ вѣчными истинами, и что бы онъ имъ не принесли, все принимаютъ. Когда Бѣлинскій «возопилъ», требуя отчета о всѣхъ жертвахъ случайностей и исторіи, ему отвѣ-
тили, что его слова лишены всякаго смысла, что такъ возражать умозрительной философіи и Гегелю — нельзя. Когда Кирхегардтъ противопоставляетъ Гегелю Іова, какъ мыслителя, его слова пропускаютъ мимо ушей. И когда Достоевскій написалъ о каменной стѣнѣ, никто не догадался, что тутъ заключается настоящая критика чистаго разума: всѣ взоры были прикованы къ умозрительной философіи. Мы всѣ убѣждены, что въ самомъ бытіи кроется порокъ, который не дано преодолѣть и самому Творцу. «Добро зѣло», которымъ заканчивался каждый день творенія, свидѣтельствуешь, по нашему разумѣнію, что и самъ Творецъ не достаточно глубоко проникъ въ сущность бытія. Гегель посовѣтовалъ бы Ему вкусить отъ плодовъ запретнаго дерева, чтобы вознестись на должную высоту «знанія» и постичь, что его природа такъ-же, какъ и природа чело-
вѣка, ограничена вѣчными законами и безсильна что либо измѣнить въ мірозданіи.

И вотъ экзистенціальная философія Кирхегардта, какъ

и философія Достоевскаго рѣшается противопоставить истинѣ умозрительной истину откровенную. Грѣхъ не въ бытіи, не въ томъ, что вышло изъ рукъ Творца, грѣхъ, порокъ, недостатокъ въ нашемъ «знаніи». Первый человѣкъ испугался ничѣмъ неограниченной воли Творца, увидѣлъ въ ней столь страшный для насъ «произволъ» и сталъ искать защиты отъ Бога въ познаніи, которое, какъ ему внушилъ искуситель, равняло его съ Богомъ, т.е. ставило его и Бога въ равную зависимость отъ вѣчныхъ, несотворенныхъ истинъ, раскрывая единство человѣческой и божественной природы. И это «знаніе» расплющило, раздавило его сознаніе, вбивъ его въ плоскость ограниченныхъ возможностей, которыми теперь для него опредѣляется и его земная, и его вѣчная судьба. Такъ изображаетъ Писаніе «паденіе» человѣка. И только вѣра, которую, какъ тоже соотвѣтственно Писанію, Киркегардтъ понимаетъ, какъ безумную борьбу о возможномъ, т.е. на нашемъ языкѣ о невозможномъ, ибо она есть преодоленіе самоочевидностей, только вѣра можетъ свалить съ насъ непомерную тяжесть первороднаго грѣха, дать намъ возможность вновь выпрямиться, «встать». Вѣра не есть такимъ образомъ довѣріе къ тому, что намъ говорили, что мы слышали, чему насъ учили. Вѣра есть неизвѣстное и чуждое умозрительной философіи новое измѣреніе мышленія, открывающее путь къ Творцу всего, что есть въ мірѣ, къ источнику всѣхъ возможностей, къ Тому, для кого нѣтъ предѣловъ между возможнымъ и невозможнымъ. Это трудно, безмѣрно трудно не только осуществить, но даже и представить себѣ. Яковъ Беме говорилъ, что, когда Богъ отнимаетъ отъ него свою десницу, онъ самъ не понимаетъ того, что онъ написалъ. Думаю, что Достоевскій и Киркегардтъ могли бы повторить слова Беме. Не даромъ Киркегардтъ сказалъ: вѣрить, вопреки разуму, есть мученичество. Не даромъ сочиненія Достоевскаго полны столь сверхчеловѣческаго напряженія. Оттого Достоевскаго и Киркегардта такъ мало слушаютъ и такъ мало слышатъ. Ихъ голоса были и останутся голосами вопіющихъ въ пустынь.

~~Д. Шестое~~

(52)

а.

24 / I / 1939

I

Говор и Зеркало

Вместо того, чтобы обратиться за помощью ко всемирно знаменитому философу или к профессуру publicis ordinatus, мой друг ищет прибежища у частного профессора, который знает все, что есть лучшего в мире, но которому потому пришлось уйти от жизни: из Говора, который, если на него и скреба херсиками, стреляет на беззастенчиво. Своего же Говора, который, если на него и скреба херсиками, стреляет на беззастенчиво.

онъ сну когда-либо будетъ возвращенъ. Только при соизволеніи этой ~~угодно~~ услови
она согласится выдать въ его послѣднюю терѣбу и только цѣпой такой терѣ-
бы можно купить съ похвалу и одобреніе. Шекспировскій Фальстафъ спрашиваетъ:
можетъ ли этакъ вернуть человеку оторванную руку? Не можетъ. Стало быть
этакъ есть одно воображеніе. Но, вѣдь, Авраамъ у Кирисарда повторяетъ Фаль-
стафа. Можемъ ли этакое "вернуть" ^{снѣ} ~~Аврааму~~ удивлять Исаака? Если не можемъ,
то этакое можно "устранить". Авраамъ рѣшился занести поносъ надъ са-
мимъ только потому, что Богъ не этакъ, который ничего не можетъ, а Богъ
можемъ сну сына вернуть, что Богъ сну сына вернетъ: такая же разница
между "отъцомъ вѣра" и комическимъ персонажемъ шекспировской пьесы? Вѣра,
которая ищетъ такую исключительную, ни съ чѣмъ не сравнимую цѣльность
въ сфере религиознаго существованія ("все, что не отъ вѣры есть грѣхъ"), оказывается
господствомъ и огромнымъ господствомъ въ плоскости разумнаго мышленія. "Этакое-
есть", которое ищетъ своимъ изначальнымъ приписаніемъ себѣ и защищать ра-
зумная истина, — хотя она и безсмысленно вернуть человеку оторванную руку, ^и ~~хотя~~
вообще безсмысленно дать человеку что-либо, кроме похвалы своей и порицаній,
въ порицаніи своихъ, въ прощаніи, въ апломбѣ гордо направитъ равно и противъ
Авраама, и противъ Фальстафа.

И еще можно прибавить: Фальстафъ вѣличиваетъ угрозу этакъ. Если она не
можетъ вернуть человеку руку или ногу, значитъ у насъ нѣтъ власти, она безвлас-
на, она только призываетъ или воображеніе — и промолвитъ еще призваніе. Ибо, по
какому праву тотъ, кому не дано благословенія, присваиваетъ себѣ власть
проклинать? Мы не знаемъ, какъ по Кирисарду, этакое распространяется
съ тѣмъ, кто держитъ вслухъ его. *Sine effusione sanguinis*, конечно, какъ
и полагается его благословенію отвѣтственности — но лучше, чѣмъ самое безжалостное
палачи и самое омерзительное убійца. И вѣдь, говоря, загадывая "двойственностью"
у Кирисарда, предъ лицомъ Авраама этакъ утѣшается, и предъ Іовымъ — правду,
почти фанатическое и отчаянное сопротивленіе — она гордо утѣшается. Если бы само
сокращеніе пришло къ Іову, ни съ ^{пронія} ~~сартаномъ~~, ни съ вѣдѣтникомъ не привели бы
къ тому. Іовъ отъ этакъ аппелируетъ къ чину "началу" — къ Богу, къ Богу,

все нас только по человечески вооруженных себя подобиями, страха ермача свое
губительное дело: он парализовал в Киртгарде свободу или, говоря его собственными
языком, привел ее в обморочное состояние. Не мистика откровений св. Игнатия ста-
новятся самоотверженными истинная разума.

X

Истинное христианство

Не отъ меня моя суровость. Если бы я знал амальгамное слово, и дохотил бы увидеть подоб-
ный человек. И все-таки! И все-таки! Возможно, что странствующий купец или: еще больше истинной
страдания. Кто знает секрет, кто держит скандал это? Дружбой, это означает христианство,
успех, которое нам показывают в виде самого крепкого утешения. Киртгарде.

Во всей философии Киртгардовской экзистенциальной философии скрываются
все трудности для понимания не только поставленной ей самой задачи, но и всей
проблематики, возникающей при столкновении откровения св. Игнатия с истинными,
естественно добывающими нашими разумом. На самом существе своем и всеми
попытками своими стремления засыпать пропасть, отделяющую откровение от исти-
ны, (впередь убога, влечется ее человек и со всеми философиями, во школы которых
сформировалось мышление людей, что откровение не может и не должно противост-
ят разуму и разумному пониманию, что, наоборот, оно должно находить себе
под охраной и защитой их. Правда, и пророки, и апостолы постепенно теряли
наш обзвонившись. Правда, и сам Киртгарде, со страхом и трепетом не усто-
ит повторять свои замечания: что откровения веру, пусть потеряет разум. Но
ни проповедь пророков и апостолов, ни страстная защита Киртгарда не
производит никакого или почти никакого действия и не могут разбудить от
обморочного сна нашу свободу. „Страх“, что не правотворная и не оправданная
разумом свобода приведет, не может не привести к истинным дугам,
так врос в нашу душу, что, по видимому, почти никаких способов выкор-
чевать его. Мы можем даже попробовать, мы отбодим все замечания.

Откуда пришел этот страх? Откуда уверенность, что разумная душа челове-
ка больше, чем свобода? Игнатий утешит, что волеизъявление разум — величайшее

несчастие,
но мы так и не поняли у него, где он доблестно эту иронию свою. Тогда Солтис:
мы или случай, удивительно, что столько разумных великих сил своих обо-
рачиваются против человека. Скажу, что не есть "возвращение" против за-
кононости привязаний разума — и, стало быть, такими способами человек все
же не удастся освободиться от власти и царя разумных иттих. Пусть Тло-
тох и оцибали, пусть разум, в надежде своем, как темнота вразом или
даже налагом человека, все же царство его не так и не предвидится конча-
и затем, как можно противостоять разуму свободу? Свобода, ведь, потому и
есть свобода — что вперед и знает человек, что она принесет с собой: может
быть хорошее, а может быть дурное, очень дурное. Даже Богу нельзя предска-
зать ничего не ограничивая свободу: мы вперед не знаем, что нам может
принести Бог. Невозможный страх постоянно нашептывает нам: "что-то
тревожный вопрос: а что если Бог принесет нам дурное?"
Отсюда, от этого страха и пожелать обрести согласие с иттиес-
ким и говорить о религиозно-этическом. Человек точно перестраховывается,
от религиозного в этическом. Религиозное — это то то новое, неведомое, далекое,
этическое — все же ^{есть что-то} близкое, близкое, привязанное к этическому и Кирсардери
Бог за ним может с уверенностью сказать, что если оно и не достаточно мощно
и слабо, то все-таки вернут человека руку или ногу, то власть его угрожает ^{чуждым} чуждым душой
человеку в тех великих сомнениях. Это этический вопрос — а не Сократа: в распоряжении эти-
ческого Бога дали полнота развешенных фруй, беспощадно преследующих власть от-
ступления от его законов. Это — великое извещено, и такое знание отнюдь не предпо-
лагает веры: ко всем сам Кирсардери постоянно повторяет ап. Павла: все, что не от
Бог-ства — это этическое же с его фруйми — никак не от Бога. Это знание, знание о дей-
ствительности и, не верующие доминанты умов рассказав о нем не могут, чем Кир-
сардери. Оно не может вернуть человека оторванной рукой — но есть не только оно, как
во мире этой идее не может. "Религиозное" этическое так же беспомощно, как и
"этическое": сам Бог заведомо свидетельствует нам, что Бог может дать людям мир
только на подвиге, а не в собственности. Правда, Кирсардери не говорит, а изстуженно
кричать: что Бог не так и не способен, Бог знает, что все возможно. Был

поставленная ему Проблема. Совесть наша, как и содрогаясь ^{как} ~~словесами~~ ^в раз-
думье повелевает Богу предана возмощав, и наша приносим Богу свои покая-
ния то, что он не доверительно выполнил весь обусловленный невозможностями, и не до-
нес. Тут и скрывается величайший и последний соблазн, который Киркегорд
чувствовать всегда и с которым он ~~всегда~~ ^{всегда} отчаянно боролся, по которому про-
чтёшь до конца ему никогда не удавалось, который не удалось прожить ни од-
ному смертному, и, который, повелев будничности смертному своим и силами про-
должить не дано: и не могущих отрезать от порока дерева добра и зла. Иначе
говоря: наша разум и наша мораль эманированы от Бога. Боже всемо-
гущий, но мораль и разум были до него, до Бога, были всегда. Они не сотворены -
они - предвечны.

Отсюда всегда попытки эмпирической философии ^{или тенденция} ~~решать~~ ^{решать} не то, что, чему
учить, но Платону, Сократу: μὴ γὰρ εἴη ἀδελφὸν τοῦ ἀνδράνθρωπος ἑκάστου καὶ ἐξ ἑαυτοῦ
παρὶ τοῦ ἀρετῆς λόγου ποιεῖσθαι. Когда разное соединяется с этикой,
оно в нем превращается в остаток: дерево познания воссоединяется с самим и с дере-
вьями. Идея этика знач философия, выходящая своей задачей в борьбу, хотя и безу-
пной, за ^{или} ~~возможность~~ ^{или} превращается в наставление, оно же, по существу своему, сводит-
ся к тождеству прихристов с теми управителями возможностями, которые на-
ходятся в распоряжении „разумного“ и „этического“. Идея не имеет или не имеет
этих сил любить в категориях, в которых оно живет, и приучающее к ним в
той категории, в которой оно живет. И при этом, даже не подозревая, что
в этих - это величайшее падение, что зрелище - первоначальное зрелище. Оно все во власти
внутренней ему дитя *civitas sicut deus*.

Это, надо думать, и ^{или} ~~это~~ ^{или} в виду Киркегора, когда он говорит о себе, что не может
судить насущно до конца в веру. И это было унылым и то прихотью его безудержная
память на философию и церковь, на „примитивизм“, которое отменило Христа, ^{равно}
но как и той почти безпримечательной жестокости, которыми наносил он
проповеди или, как он сам предполагал наставит чью, его наставительство и то
Самое горючее похоти Киркегор не решаются идти с ним до конца в этом
„И Вечное Благо для человека как угодно безделье в чуждоности“

направлений и делают всевозможные попытки и попытки и истолкований приспособить их к общему пониманию. Но это только отдаленный пасх и отс Кирхгарда, и отбег проблематики, всегда выдвигающей все, таящаяся в дтти, поумолила, „entweder oder“? Если бы Кирхгарду было „сказать“, он сам бы сказал бы и не поручил бы этого дела никому другому. В 1857 году, в той же книге, в которой он так истинно провозглашал, что христианство отменило Христа, он пишет: „не от меня маж суровость. Если бы я знал означенное слово, я бы охотно утешил и ободрил человека, и все же! и все же! Возможно, что страдательному кресту и все же больше истинной страдания. Еще больше истинной! Кто так сильно, что держит сказать это? Друг мой: это гласит христианство, учение, которое нам подает под именем самую кроткую утешения“¹⁾. Тут же он вновь возвращается к жертве Авраама, о которой он начал столько говорить в своих первых произведениях. „Уничтожить собственными руками то, что так страшно мечтает, дать отплатить у себя то, чем уже владел — это погрязать в самом чорте естественная любовь. А этого требовал Бог от Авраама. Авраам должен был сам — страшно сказать! — отдать свою собственную — утешить и безумие! — заклать Исаака. Исаак — дар Божий, который он так долго и с такой тоской искал, за который он всю жизнь благодарил Бога и не мог достаточно восблагодарить, Исаак — свое единственное дитя, дитя обетования! Думаете, что смерти может так утешить? А этого не думаю! Бесспорно, жизнь так же мучит сильнее, чем смерть — и, с другой стороны — так же бесспорно, что суровость Кирхгарда не от него пришла. Не он требовал от Авраама страшной жертвы, не он же (т.е. ^{сыновья} ^{исаака} ^и ^{исаака}), который полна человеческая жизнь. Они до него были, они после него продолжались и, могут быть, достигли и апофеоза. Он только рупор, через который до нас слова пророка, ему не принадлежащие. Он только видит и слышит ^{то} ² ³ ⁴ ⁵ ⁶ ⁷ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁸ ¹⁹ ²⁰ ²¹ ²² ²³ ²⁴ ²⁵ ²⁶ ²⁷ ²⁸ ²⁹ ³⁰ ³¹ ³² ³³ ³⁴ ³⁵ ³⁶ ³⁷ ³⁸ ³⁹ ⁴⁰ ⁴¹ ⁴² ⁴³ ⁴⁴ ⁴⁵ ⁴⁶ ⁴⁷ ⁴⁸ ⁴⁹ ⁵⁰ ⁵¹ ⁵² ⁵³ ⁵⁴ ⁵⁵ ⁵⁶ ⁵⁷ ⁵⁸ ⁵⁹ ⁶⁰ ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ ⁷⁰ ⁷¹ ⁷² ⁷³ ⁷⁴ ⁷⁵ ⁷⁶ ⁷⁷ ⁷⁸ ⁷⁹ ⁸⁰ ⁸¹ ⁸² ⁸³ ⁸⁴ ⁸⁵ ⁸⁶ ⁸⁷ ⁸⁸ ⁸⁹ ⁹⁰ ⁹¹ ⁹² ⁹³ ⁹⁴ ⁹⁵ ⁹⁶ ⁹⁷ ⁹⁸ ⁹⁹ ¹⁰⁰ ¹⁰¹ ¹⁰² ¹⁰³ ¹⁰⁴ ¹⁰⁵ ¹⁰⁶ ¹⁰⁷ ¹⁰⁸ ¹⁰⁹ ¹¹⁰ ¹¹¹ ¹¹² ¹¹³ ¹¹⁴ ¹¹⁵ ¹¹⁶ ¹¹⁷ ¹¹⁸ ¹¹⁹ ¹²⁰ ¹²¹ ¹²² ¹²³ ¹²⁴ ¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷ ¹²⁸ ¹²⁹ ¹³⁰ ¹³¹ ¹³² ¹³³ ¹³⁴ ¹³⁵ ¹³⁶ ¹³⁷ ¹³⁸ ¹³⁹ ¹⁴⁰ ¹⁴¹ ¹⁴² ¹⁴³ ¹⁴⁴ ¹⁴⁵ ¹⁴⁶ ¹⁴⁷ ¹⁴⁸ ¹⁴⁹ ¹⁵⁰ ¹⁵¹ ¹⁵² ¹⁵³ ¹⁵⁴ ¹⁵⁵ ¹⁵⁶ ¹⁵⁷ ¹⁵⁸ ¹⁵⁹ ¹⁶⁰ ¹⁶¹ ¹⁶² ¹⁶³ ¹⁶⁴ ¹⁶⁵ ¹⁶⁶ ¹⁶⁷ ¹⁶⁸ ¹⁶⁹ ¹⁷⁰ ¹⁷¹ ¹⁷² ¹⁷³ ¹⁷⁴ ¹⁷⁵ ¹⁷⁶ ¹⁷⁷ ¹⁷⁸ ¹⁷⁹ ¹⁸⁰ ¹⁸¹ ¹⁸² ¹⁸³ ¹⁸⁴ ¹⁸⁵ ¹⁸⁶ ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶ ⁴⁶⁷ ⁴⁶⁸ ⁴⁶⁹ ⁴⁷⁰ ⁴⁷¹ ⁴⁷² ⁴⁷³ ⁴⁷⁴ ⁴⁷⁵ ⁴⁷⁶ ⁴⁷⁷ ⁴⁷⁸ ⁴⁷⁹ ⁴⁸⁰ ⁴⁸¹ ⁴⁸² ⁴⁸³ ⁴⁸⁴ ⁴⁸⁵ ⁴⁸⁶ ⁴⁸⁷ ⁴⁸⁸ ⁴⁸⁹ ⁴⁹⁰ ⁴⁹¹ ⁴⁹² ⁴⁹³ ⁴⁹⁴ ⁴⁹⁵ ⁴⁹⁶ ⁴⁹⁷ ⁴⁹⁸ ⁴⁹⁹ ⁵⁰⁰ ⁵⁰¹ ⁵⁰² ⁵⁰³ ⁵⁰⁴ ⁵⁰⁵ ⁵⁰⁶ ⁵⁰⁷ ⁵⁰⁸ ⁵⁰⁹ ⁵¹⁰ ⁵¹¹ ⁵¹² ⁵¹³ ⁵¹⁴ ⁵¹⁵ ⁵¹⁶ ⁵¹⁷ ⁵¹⁸ ⁵¹⁹ ⁵²⁰ ⁵²¹ ⁵²² ⁵²³ ⁵²⁴ ⁵²⁵ ⁵²⁶ ⁵²⁷ ⁵²⁸ ⁵²⁹ ⁵³⁰ ⁵³¹ ⁵³² ⁵³³ ⁵³⁴ ⁵³⁵ ⁵³⁶ ⁵³⁷ ⁵³⁸ ⁵³⁹ ⁵⁴⁰ ⁵⁴¹ ⁵⁴² ⁵⁴³ ⁵⁴⁴ ⁵⁴⁵ ⁵⁴⁶ ⁵⁴⁷ ⁵⁴⁸ ⁵⁴⁹ ⁵⁵⁰ ⁵⁵¹ ⁵⁵² ⁵⁵³ ⁵⁵⁴ ⁵⁵⁵ ⁵⁵⁶ ⁵⁵⁷ ⁵⁵⁸ ⁵⁵⁹ ⁵⁶⁰ ⁵⁶¹ ⁵⁶² ⁵⁶³ ⁵⁶⁴ ⁵⁶⁵ ⁵⁶⁶ ⁵⁶⁷ ⁵⁶⁸ ⁵⁶⁹ ⁵⁷⁰ ⁵⁷¹ ⁵⁷² ⁵⁷³ ⁵⁷⁴ ⁵⁷⁵ ⁵⁷⁶ ⁵⁷⁷ ⁵⁷⁸ ⁵⁷⁹ ⁵⁸⁰ ⁵⁸¹ ⁵⁸² ⁵⁸³ ⁵⁸⁴ ⁵⁸⁵ ⁵⁸⁶ ⁵⁸⁷ ⁵⁸⁸ ⁵⁸⁹ ⁵⁹⁰ ⁵⁹¹ ⁵⁹² ⁵⁹³ ⁵⁹⁴ ⁵⁹⁵ ⁵⁹⁶ ⁵⁹⁷ ⁵⁹⁸ ⁵⁹⁹ ⁶⁰⁰ ⁶⁰¹ ⁶⁰² ⁶⁰³ ⁶⁰⁴ ⁶⁰⁵ ⁶⁰⁶ ⁶⁰⁷ ⁶⁰⁸ ⁶⁰⁹ ⁶¹⁰ ⁶¹¹ ⁶¹² ⁶¹³ ⁶¹⁴ ⁶¹⁵ ⁶¹⁶ ⁶¹⁷ ⁶¹⁸ ⁶¹⁹ ⁶²⁰ ⁶²¹ ⁶²² ⁶²³ ⁶²⁴ ⁶²⁵ ⁶²⁶ ⁶²⁷ ⁶²⁸ ⁶²⁹ ⁶³⁰ ⁶³¹ ⁶³² ⁶³³ ⁶³⁴ ⁶³⁵ ⁶³⁶ ⁶³⁷ ⁶³⁸ ⁶³⁹ ⁶⁴⁰ ⁶⁴¹ ⁶⁴² ⁶⁴³ ⁶⁴⁴ ⁶⁴⁵ ⁶⁴⁶ ⁶⁴⁷ ⁶⁴⁸ ⁶⁴⁹ ⁶⁵⁰ ⁶⁵¹ ⁶⁵² ⁶⁵³ ⁶⁵⁴ ⁶⁵⁵ ⁶⁵⁶ ⁶⁵⁷ ⁶⁵⁸ ⁶⁵⁹ ⁶⁶⁰ ⁶⁶¹ ⁶⁶² ⁶⁶³ ⁶⁶⁴ ⁶⁶⁵ ⁶⁶⁶ ⁶⁶⁷ ⁶⁶⁸ ⁶⁶⁹ ⁶⁷⁰ ⁶⁷¹ ⁶⁷² ⁶⁷³ ⁶⁷⁴ ⁶⁷⁵ ⁶⁷⁶ ⁶⁷⁷ ⁶⁷⁸ ⁶⁷⁹ ⁶⁸⁰ ⁶⁸¹ ⁶⁸² ⁶⁸³ ⁶⁸⁴ ⁶⁸⁵ ⁶⁸⁶ ⁶⁸⁷ ⁶⁸⁸ ⁶⁸⁹ ⁶⁹⁰ ⁶⁹¹ ⁶⁹² ⁶⁹³ ⁶⁹⁴ ⁶⁹⁵ ⁶⁹⁶ ⁶⁹⁷ ⁶⁹⁸ ⁶⁹⁹ ⁷⁰⁰ ⁷⁰¹ ⁷⁰² ⁷⁰³ ⁷⁰⁴ ⁷⁰⁵ ⁷⁰⁶ ⁷⁰⁷ ⁷⁰⁸ ⁷⁰⁹ ⁷¹⁰ ⁷¹¹ ⁷¹² ⁷¹³ ⁷¹⁴ ⁷¹⁵ ⁷¹⁶ ⁷¹⁷ ⁷¹⁸ ⁷¹⁹ ⁷²⁰ ⁷²¹ ⁷²² ⁷²³ ⁷²⁴ ⁷²⁵ ⁷²⁶ ⁷²⁷ ⁷²⁸ ⁷²⁹ ⁷³⁰ ⁷³¹ ⁷³² ⁷³³ ⁷³⁴ ⁷³⁵ ⁷³⁶ ⁷³⁷ ⁷³⁸ ⁷³⁹ ⁷⁴⁰ ⁷⁴¹ ⁷⁴² ⁷⁴³ ⁷⁴⁴ ⁷⁴⁵ ⁷⁴⁶ ⁷⁴⁷ ⁷⁴⁸ ⁷⁴⁹ ⁷⁵⁰ ⁷⁵¹ ⁷⁵² ⁷⁵³ ⁷⁵⁴ ⁷⁵⁵ ⁷⁵⁶ ⁷⁵⁷ ⁷⁵⁸ ⁷⁵⁹ ⁷⁶⁰ ⁷⁶¹ ⁷⁶² ⁷⁶³ ⁷⁶⁴ ⁷⁶⁵ ⁷⁶⁶ ⁷⁶⁷ ⁷⁶⁸ ⁷⁶⁹ ⁷⁷⁰ ⁷⁷¹ ⁷⁷² ⁷⁷³ ⁷⁷⁴ ⁷⁷⁵ ⁷⁷⁶ ⁷⁷⁷ ⁷⁷⁸ ⁷⁷⁹ ⁷⁸⁰ ⁷⁸¹ ⁷⁸² ⁷⁸³ ⁷⁸⁴ ⁷⁸⁵ ⁷⁸⁶ ⁷⁸⁷ ⁷⁸⁸ ⁷⁸⁹ ⁷⁹⁰ ⁷⁹¹ ⁷⁹² ⁷⁹³ ⁷⁹⁴ ⁷⁹⁵ ⁷⁹⁶ ⁷⁹⁷ ⁷⁹⁸ ⁷⁹⁹ ⁸⁰⁰ ⁸⁰¹ ⁸⁰² ⁸⁰³ ⁸⁰⁴ ⁸⁰⁵ ⁸⁰⁶ ⁸⁰⁷ ⁸⁰⁸ ⁸⁰⁹ ⁸¹⁰ ⁸¹¹ ⁸¹² ⁸¹³ ⁸¹⁴ ⁸¹⁵ ⁸¹⁶ ⁸¹⁷ ⁸¹⁸ ⁸¹⁹ ⁸²⁰ ⁸²¹ ⁸²² ⁸²³ ⁸²⁴ ⁸²⁵ ⁸²⁶ ⁸²⁷ ⁸²⁸ ⁸²⁹ ⁸³⁰ ⁸³¹ ⁸³² ⁸³³ ⁸³⁴ ⁸³⁵ ⁸³⁶ ⁸³⁷ ⁸³⁸ ⁸³⁹ ⁸⁴⁰ ⁸⁴¹ ⁸⁴² ⁸⁴³ ⁸⁴⁴ ⁸⁴⁵ ⁸⁴⁶ ⁸⁴⁷ ⁸⁴⁸ ⁸⁴⁹ ⁸⁵⁰ ⁸⁵¹ ⁸⁵² ⁸⁵³ ⁸⁵⁴ ⁸⁵⁵ ⁸⁵⁶ ⁸⁵⁷ ⁸⁵⁸ ⁸⁵⁹ ⁸⁶⁰ ⁸⁶¹ ⁸⁶² ⁸⁶³ ⁸⁶⁴ ⁸⁶⁵ ⁸⁶⁶ ⁸⁶⁷ ⁸⁶⁸ ⁸⁶⁹ ⁸⁷⁰ ⁸⁷¹ ⁸⁷² ⁸⁷³ ⁸⁷⁴ ⁸⁷⁵ ⁸⁷⁶ ⁸⁷⁷ ⁸⁷⁸ ⁸⁷⁹ ⁸⁸⁰ ⁸⁸¹ ⁸⁸² ⁸⁸³ ⁸⁸⁴ ⁸⁸⁵ ⁸⁸⁶ ⁸⁸⁷ ⁸⁸⁸ ⁸⁸⁹ ⁸⁹⁰ ⁸⁹¹ ⁸⁹² ⁸⁹³ ⁸⁹⁴ ⁸⁹⁵ ⁸⁹⁶ ⁸⁹⁷ ⁸⁹⁸ ⁸⁹⁹ ⁹⁰⁰ ⁹⁰¹ ⁹⁰² ⁹⁰³ ⁹⁰⁴ ⁹⁰⁵ ⁹⁰⁶ ⁹⁰⁷ ⁹⁰⁸ ⁹⁰⁹ ⁹¹⁰ ⁹¹¹ ⁹¹² ⁹¹³ ⁹¹⁴ ⁹¹⁵ ⁹¹⁶ ⁹¹⁷ ⁹¹⁸ ⁹¹⁹ ⁹²⁰ ⁹²¹ ⁹²² ⁹²³ ⁹²⁴ ⁹²⁵ ⁹²⁶ ⁹²⁷ ⁹²⁸ ⁹²⁹ ⁹³⁰ ⁹³¹ ⁹³² ⁹³³ ⁹³⁴ ⁹³⁵ ⁹³⁶ ⁹³⁷ ⁹³⁸ ⁹³⁹ ⁹⁴⁰ ⁹⁴¹ ⁹⁴² ⁹⁴³ ⁹⁴⁴ ⁹⁴⁵ ⁹⁴⁶ ⁹⁴⁷ ⁹⁴⁸ ⁹⁴⁹ ⁹⁵⁰ ⁹⁵¹ ⁹⁵² ⁹⁵³ ⁹⁵⁴ ⁹⁵⁵ ⁹⁵⁶ ⁹⁵⁷ ⁹⁵⁸ ⁹⁵⁹ ⁹⁶⁰ ⁹⁶¹ ⁹⁶² ⁹⁶³ ⁹⁶⁴ ⁹⁶⁵ ⁹⁶⁶ ⁹⁶⁷ ⁹⁶⁸ ⁹⁶⁹ ⁹⁷⁰ ⁹⁷¹ ⁹⁷² ⁹⁷³ ⁹⁷⁴ ⁹⁷⁵ ⁹⁷⁶ ⁹⁷⁷ ⁹⁷⁸ ⁹⁷⁹ ⁹⁸⁰ ⁹⁸¹ ⁹⁸² ⁹⁸³ ⁹⁸⁴ ⁹⁸⁵ ⁹⁸⁶ ⁹⁸⁷ ⁹⁸⁸ ⁹⁸⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷ ⁹⁹⁸ ⁹⁹⁹ ¹⁰⁰⁰ ¹⁰⁰¹ ¹⁰⁰² ¹⁰⁰³ ¹⁰⁰⁴ ¹⁰⁰⁵ ¹⁰⁰⁶ ¹⁰⁰⁷ ¹⁰⁰⁸ ¹⁰⁰⁹ ¹⁰¹⁰ ¹⁰¹¹ ¹⁰¹² ¹⁰¹³ ¹⁰¹⁴ ¹⁰¹⁵ ¹⁰¹⁶ ¹⁰¹⁷ ¹⁰¹⁸ ¹⁰¹⁹ ¹⁰²⁰ ¹⁰²¹ ¹⁰²² ¹⁰²³ ¹⁰²⁴ ¹⁰²⁵ ¹⁰²⁶ ¹⁰²⁷ ¹⁰²⁸ ¹⁰²⁹ ¹⁰³⁰ ¹⁰³¹ ¹⁰³² ¹⁰³³ ¹⁰³⁴ ¹⁰³⁵ ¹⁰³⁶ ¹⁰³⁷ ¹⁰³⁸ ¹⁰³⁹ ¹⁰⁴⁰ ¹⁰⁴¹ ¹⁰⁴² ¹⁰⁴³ ¹⁰⁴⁴ ¹⁰⁴⁵ ¹⁰⁴⁶ ¹⁰⁴⁷ ¹⁰⁴⁸ ¹⁰⁴⁹ ¹⁰⁵⁰ ¹⁰⁵¹ ¹⁰⁵² ¹⁰⁵³ ¹⁰⁵⁴ ¹⁰⁵⁵ ¹⁰⁵⁶ ¹⁰⁵⁷ ¹⁰⁵⁸ ¹⁰⁵⁹ ¹⁰⁶⁰ ¹⁰⁶¹ ¹⁰⁶² ¹⁰⁶³ ¹⁰⁶⁴ ¹⁰⁶⁵ ¹⁰⁶⁶ ¹⁰⁶⁷ ¹⁰⁶⁸ ¹⁰⁶⁹ ¹⁰⁷⁰ ¹⁰⁷¹ ¹⁰⁷² ¹⁰⁷³ ¹⁰⁷⁴ ¹⁰⁷⁵ ¹⁰⁷⁶ ¹⁰⁷⁷ ¹⁰⁷⁸ ¹⁰⁷⁹ ¹⁰⁸⁰ ¹⁰⁸¹ ¹⁰⁸² ¹⁰⁸³ ¹⁰⁸⁴ ¹⁰⁸⁵ ¹⁰⁸⁶ ¹⁰⁸⁷ ¹⁰⁸⁸ ¹⁰⁸⁹ ¹⁰⁹⁰ ¹⁰⁹¹ ¹⁰⁹² ¹⁰⁹³ ¹⁰⁹⁴ ¹⁰⁹⁵ ¹⁰⁹⁶ ¹⁰⁹⁷ ¹⁰⁹⁸ ¹⁰⁹⁹ ¹¹⁰⁰ ¹¹⁰¹ ¹¹⁰² ¹¹⁰³ ¹¹⁰⁴ ¹¹⁰⁵ ¹¹⁰⁶ ¹¹⁰⁷ ¹¹⁰⁸ ¹¹⁰⁹ ¹¹¹⁰ ¹¹¹¹ ¹¹¹² ¹¹¹³ ¹¹¹⁴ ¹¹¹⁵ ¹¹¹⁶ ¹¹¹⁷ ¹¹¹⁸ ¹¹¹⁹ ¹¹²⁰ ¹¹²¹ ¹¹²² ¹¹²³ ¹¹²⁴ ¹¹²⁵ ¹¹²⁶ ¹¹²⁷ ¹¹²⁸ ¹¹²⁹ ¹¹³⁰ ¹¹³¹ ¹¹³² ¹¹³³ ¹¹³⁴ ¹¹³⁵ ¹¹³⁶ ¹¹³⁷ ¹¹³⁸ ¹¹³⁹ ¹¹⁴⁰ ¹¹⁴¹ ¹¹⁴² ¹¹⁴³ ¹¹⁴⁴ ¹¹⁴⁵ ¹¹⁴⁶ ¹¹⁴⁷ ¹¹⁴⁸ ¹¹⁴⁹ ¹¹⁵⁰ ¹¹⁵¹ ¹¹⁵² ¹¹⁵³ ¹¹⁵⁴ ¹¹⁵⁵ ¹¹⁵⁶ ¹¹⁵⁷ ¹¹⁵⁸ ¹¹⁵⁹ ¹¹⁶⁰ ¹¹⁶¹ ¹¹⁶² ¹¹⁶³ ¹¹⁶⁴ ¹¹⁶⁵ ¹¹⁶⁶ ¹¹⁶⁷ ¹¹⁶⁸ ¹¹⁶⁹ ¹¹⁷⁰ ¹¹⁷¹ ¹¹⁷² ¹¹⁷³ ¹¹⁷⁴ ¹¹⁷⁵ ¹¹⁷⁶ ¹¹⁷⁷ ¹¹⁷⁸ ¹¹⁷⁹ ¹¹⁸⁰ ¹¹⁸¹ ¹¹⁸² ¹¹⁸³ ¹¹⁸⁴ ¹¹⁸⁵ ¹¹⁸⁶ ¹¹⁸⁷ ¹¹⁸⁸ ¹¹⁸⁹ ¹¹⁹⁰ ¹¹⁹¹ ¹¹⁹² ¹¹⁹³ ¹¹⁹⁴ ¹¹⁹⁵ ¹¹⁹⁶ ¹¹⁹⁷ ¹¹⁹⁸ ¹¹⁹⁹ ¹²⁰⁰ ¹²⁰¹ ¹²⁰² ¹²⁰³ ¹²⁰⁴ ¹²⁰⁵ ¹²⁰⁶ ¹²⁰⁷ ¹²⁰⁸ ¹²⁰⁹ ¹²¹⁰ ¹²¹¹ ¹²¹² ¹²¹³ ¹²¹⁴ ¹²¹⁵ ¹²¹⁶ ¹²¹⁷ ¹²¹⁸ ¹²¹⁹ ¹²²⁰ ¹²²¹ ¹²²² ¹²²³ ¹²²⁴ ¹²²⁵ ¹²²⁶ ¹²²⁷ ¹²²⁸ ¹²²⁹ ¹²³⁰ ¹²³¹ ¹²³² ¹²³³ ¹²³⁴ ¹²³⁵ ¹²³⁶ ¹²³⁷ ¹²³⁸ ¹²³⁹ ¹²⁴⁰ ¹²⁴¹ ¹²⁴² ¹²⁴³ ¹²⁴⁴ ¹²⁴⁵ ¹²⁴⁶ ¹²⁴⁷ ¹²⁴⁸ ¹²⁴⁹ ¹²⁵⁰ ¹²⁵¹ ¹²⁵² ¹²⁵³ ¹²⁵⁴ ¹²⁵⁵ ¹²⁵⁶ ¹²⁵⁷ ¹²⁵⁸ ¹²⁵⁹ ¹²⁶⁰ ¹²⁶¹ ¹²⁶² ¹²⁶³ ¹²⁶⁴ ¹²⁶⁵ ¹²⁶⁶ ¹²⁶⁷ ¹²⁶⁸ ¹²⁶⁹ ¹²⁷⁰ ¹²⁷¹ ¹²⁷² ¹²⁷³ ¹²⁷⁴ ¹²⁷⁵ ¹²⁷⁶ ¹²⁷⁷ ¹²⁷⁸ ¹²⁷⁹ ¹²⁸⁰ ¹²⁸¹ ¹²⁸² <

[illegible]

состоит, что, если истинное, т.е. плод с дерева познания, есть вообще, то Авраам, со своим любимой женой, отцы вора - почему бы не знать, что, если вора Авраама будет не погнать, то знаменит - то все люди погнали. Но истинное не отпущает его и твердо держит в своих цепких лапах.

Что это? Киргизард сам сказал нам: грех есть обморок свободы. Истинно же не водирает - у него нет сил водирать! За что водирает? Ничто, которое ~~хотит~~ ^{одъ тмъ} рассказывать ^{тотъ} - все Киргизард, - оказалось оборотным. Сначала оно обернулось господствующим. Теперь оно приняло образ „эпического“. И на этом оно не останется. Оно представит перед нами в образе Вечности, Вечности, Вечности любви. И потому истинно тому экзистенциальной философии все больше и больше будет отпущать перед объектом ^и истинной философии философской, с которой Киргизард так отчаянно борется и в которой он видит самую страшную врагу человеческого рода.

XI Страхи и первоначальное грех

Много говорили о существе первоначального греха, но самую категорию простоты: страхи. В этом его истинное определение. Страхи есть посторонняя, чуждая сила, ослабляющая индивидуальность; вырабатывание не может из себя ^{Киргизард}

Еще раз напомню - так как это греховно было для записки задачи, но мне нечего себя экзистенциальной философии - то, что Киргизард как говорил о грехе, о страхах и о свободе. „Страхи есть обморок свободы“, пишет он в книге, это такое страхи. И путь же прибавляет, индивидуальности, греховное всегда происходит в односторонних состояниях ¹⁾ и в греховности и истинности почти неизбежно по-ясе: „страхи обезличивает человека и первичный грех происходит в односторонних состояниях“. И те эти последние слова Киргизард говорит так с восторгом: „много говорили о существе первоначального греха - и все же самую категорию простоты: страхи. В этом его истинное определение. Страхи есть посторонняя, чуждая сила, ослабляющая индивидуальность; вырабатывание не может из себя ²⁾ потому, что все ³⁾ и все же ⁴⁾ и все же ⁵⁾ и все же ⁶⁾ и все же ⁷⁾ и все же ⁸⁾ и все же ⁹⁾ и все же ¹⁰⁾ и все же ¹¹⁾ и все же ¹²⁾ и все же ¹³⁾ и все же ¹⁴⁾ и все же ¹⁵⁾ и все же ¹⁶⁾ и все же ¹⁷⁾ и все же ¹⁸⁾ и все же ¹⁹⁾ и все же ²⁰⁾ и все же ²¹⁾ и все же ²²⁾ и все же ²³⁾ и все же ²⁴⁾ и все же ²⁵⁾ и все же ²⁶⁾ и все же ²⁷⁾ и все же ²⁸⁾ и все же ²⁹⁾ и все же ³⁰⁾ и все же ³¹⁾ и все же ³²⁾ и все же ³³⁾ и все же ³⁴⁾ и все же ³⁵⁾ и все же ³⁶⁾ и все же ³⁷⁾ и все же ³⁸⁾ и все же ³⁹⁾ и все же ⁴⁰⁾ и все же ⁴¹⁾ и все же ⁴²⁾ и все же ⁴³⁾ и все же ⁴⁴⁾ и все же ⁴⁵⁾ и все же ⁴⁶⁾ и все же ⁴⁷⁾ и все же ⁴⁸⁾ и все же ⁴⁹⁾ и все же ⁵⁰⁾ и все же ⁵¹⁾ и все же ⁵²⁾ и все же ⁵³⁾ и все же ⁵⁴⁾ и все же ⁵⁵⁾ и все же ⁵⁶⁾ и все же ⁵⁷⁾ и все же ⁵⁸⁾ и все же ⁵⁹⁾ и все же ⁶⁰⁾ и все же ⁶¹⁾ и все же ⁶²⁾ и все же ⁶³⁾ и все же ⁶⁴⁾ и все же ⁶⁵⁾ и все же ⁶⁶⁾ и все же ⁶⁷⁾ и все же ⁶⁸⁾ и все же ⁶⁹⁾ и все же ⁷⁰⁾ и все же ⁷¹⁾ и все же ⁷²⁾ и все же ⁷³⁾ и все же ⁷⁴⁾ и все же ⁷⁵⁾ и все же ⁷⁶⁾ и все же ⁷⁷⁾ и все же ⁷⁸⁾ и все же ⁷⁹⁾ и все же ⁸⁰⁾ и все же ⁸¹⁾ и все же ⁸²⁾ и все же ⁸³⁾ и все же ⁸⁴⁾ и все же ⁸⁵⁾ и все же ⁸⁶⁾ и все же ⁸⁷⁾ и все же ⁸⁸⁾ и все же ⁸⁹⁾ и все же ⁹⁰⁾ и все же ⁹¹⁾ и все же ⁹²⁾ и все же ⁹³⁾ и все же ⁹⁴⁾ и все же ⁹⁵⁾ и все же ⁹⁶⁾ и все же ⁹⁷⁾ и все же ⁹⁸⁾ и все же ⁹⁹⁾ и все же ¹⁰⁰⁾ и все же ¹⁰¹⁾ и все же ¹⁰²⁾ и все же ¹⁰³⁾ и все же ¹⁰⁴⁾ и все же ¹⁰⁵⁾ и все же ¹⁰⁶⁾ и все же ¹⁰⁷⁾ и все же ¹⁰⁸⁾ и все же ¹⁰⁹⁾ и все же ¹¹⁰⁾ и все же ¹¹¹⁾ и все же ¹¹²⁾ и все же ¹¹³⁾ и все же ¹¹⁴⁾ и все же ¹¹⁵⁾ и все же ¹¹⁶⁾ и все же ¹¹⁷⁾ и все же ¹¹⁸⁾ и все же ¹¹⁹⁾ и все же ¹²⁰⁾ и все же ¹²¹⁾ и все же ¹²²⁾ и все же ¹²³⁾ и все же ¹²⁴⁾ и все же ¹²⁵⁾ и все же ¹²⁶⁾ и все же ¹²⁷⁾ и все же ¹²⁸⁾ и все же ¹²⁹⁾ и все же ¹³⁰⁾ и все же ¹³¹⁾ и все же ¹³²⁾ и все же ¹³³⁾ и все же ¹³⁴⁾ и все же ¹³⁵⁾ и все же ¹³⁶⁾ и все же ¹³⁷⁾ и все же ¹³⁸⁾ и все же ¹³⁹⁾ и все же ¹⁴⁰⁾ и все же ¹⁴¹⁾ и все же ¹⁴²⁾ и все же ¹⁴³⁾ и все же ¹⁴⁴⁾ и все же ¹⁴⁵⁾ и все же ¹⁴⁶⁾ и все же ¹⁴⁷⁾ и все же ¹⁴⁸⁾ и все же ¹⁴⁹⁾ и все же ¹⁵⁰⁾ и все же ¹⁵¹⁾ и все же ¹⁵²⁾ и все же ¹⁵³⁾ и все же ¹⁵⁴⁾ и все же ¹⁵⁵⁾ и все же ¹⁵⁶⁾ и все же ¹⁵⁷⁾ и все же ¹⁵⁸⁾ и все же ¹⁵⁹⁾ и все же ¹⁶⁰⁾ и все же ¹⁶¹⁾ и все же ¹⁶²⁾ и все же ¹⁶³⁾ и все же ¹⁶⁴⁾ и все же ¹⁶⁵⁾ и все же ¹⁶⁶⁾ и все же ¹⁶⁷⁾ и все же ¹⁶⁸⁾ и все же ¹⁶⁹⁾ и все же ¹⁷⁰⁾ и все же ¹⁷¹⁾ и все же ¹⁷²⁾ и все же ¹⁷³⁾ и все же ¹⁷⁴⁾ и все же ¹⁷⁵⁾ и все же ¹⁷⁶⁾ и все же ¹⁷⁷⁾ и все же ¹⁷⁸⁾ и все же ¹⁷⁹⁾ и все же ¹⁸⁰⁾ и все же ¹⁸¹⁾ и все же ¹⁸²⁾ и все же ¹⁸³⁾ и все же ¹⁸⁴⁾ и все же ¹⁸⁵⁾ и все же ¹⁸⁶⁾ и все же ¹⁸⁷⁾ и все же ¹⁸⁸⁾ и все же ¹⁸⁹⁾ и все же ¹⁹⁰⁾ и все же ¹⁹¹⁾ и все же ¹⁹²⁾ и все же ¹⁹³⁾ и все же ¹⁹⁴⁾ и все же ¹⁹⁵⁾ и все же ¹⁹⁶⁾ и все же ¹⁹⁷⁾ и все же ¹⁹⁸⁾ и все же ¹⁹⁹⁾ и все же ²⁰⁰⁾ и все же ²⁰¹⁾ и все же ²⁰²⁾ и все же ²⁰³⁾ и все же ²⁰⁴⁾ и все же ²⁰⁵⁾ и все же ²⁰⁶⁾ и все же ²⁰⁷⁾ и все же ²⁰⁸⁾ и все же ²⁰⁹⁾ и все же ²¹⁰⁾ и все же ²¹¹⁾ и все же ²¹²⁾ и все же ²¹³⁾ и все же ²¹⁴⁾ и все же ²¹⁵⁾ и все же ²¹⁶⁾ и все же ²¹⁷⁾ и все же ²¹⁸⁾ и все же ²¹⁹⁾ и все же ²²⁰⁾ и все же ²²¹⁾ и все же ²²²⁾ и все же ²²³⁾ и все же ²²⁴⁾ и все же ²²⁵⁾ и все же ²²⁶⁾ и все же ²²⁷⁾ и все же ²²⁸⁾ и все же ²²⁹⁾ и все же ²³⁰⁾ и все же ²³¹⁾ и все же ²³²⁾ и все же ²³³⁾ и все же ²³⁴⁾ и все же ²³⁵⁾ и все же ²³⁶⁾ и все же ²³⁷⁾ и все же ²³⁸⁾ и все же ²³⁹⁾ и все же ²⁴⁰⁾ и все же ²⁴¹⁾ и все же ²⁴²⁾ и все же ²⁴³⁾ и все же ²⁴⁴⁾ и все же ²⁴⁵⁾ и все же ²⁴⁶⁾ и все же ²⁴⁷⁾ и все же ²⁴⁸⁾ и все же ²⁴⁹⁾ и все же ²⁵⁰⁾ и все же ²⁵¹⁾ и все же ²⁵²⁾ и все же ²⁵³⁾ и все же ²⁵⁴⁾ и все же ²⁵⁵⁾ и все же ²⁵⁶⁾ и все же ²⁵⁷⁾ и все же ²⁵⁸⁾ и все же ²⁵⁹⁾ и все же ²⁶⁰⁾ и все же ²⁶¹⁾ и все же ²⁶²⁾ и все же ²⁶³⁾ и все же ²⁶⁴⁾ и все же ²⁶⁵⁾ и все же ²⁶⁶⁾ и все же ²⁶⁷⁾ и все же ²⁶⁸⁾ и все же ²⁶⁹⁾ и все же ²⁷⁰⁾ и все же ²⁷¹⁾ и все же ²⁷²⁾ и все же ²⁷³⁾ и все же ²⁷⁴⁾ и все же ²⁷⁵⁾ и все же ²⁷⁶⁾ и все же ²⁷⁷⁾ и все же ²⁷⁸⁾ и все же ²⁷⁹⁾ и все же ²⁸⁰⁾ и все же ²⁸¹⁾ и все же ²⁸²⁾ и все же ²⁸³⁾ и все же ²⁸⁴⁾ и все же ²⁸⁵⁾ и все же ²⁸⁶⁾ и все же ²⁸⁷⁾ и все же ²⁸⁸⁾ и все же ²⁸⁹⁾ и все же ²⁹⁰⁾ и все же ²⁹¹⁾ и все же ²⁹²⁾ и все же ²⁹³⁾ и все же ²⁹⁴⁾ и все же ²⁹⁵⁾ и все же ²⁹⁶⁾ и все же ²⁹⁷⁾ и все же ²⁹⁸⁾ и все же ²⁹⁹⁾ и все же ³⁰⁰⁾ и все же ³⁰¹⁾ и все же ³⁰²⁾ и все же ³⁰³⁾ и все же ³⁰⁴⁾ и все же ³⁰⁵⁾ и все же ³⁰⁶⁾ и все же ³⁰⁷⁾ и все же ³⁰⁸⁾ и все же ³⁰⁹⁾ и все же ³¹⁰⁾ и все же ³¹¹⁾ и все же ³¹²⁾ и все же ³¹³⁾ и все же ³¹⁴⁾ и все же ³¹⁵⁾ и все же ³¹⁶⁾ и все же ³¹⁷⁾ и все же ³¹⁸⁾ и все же ³¹⁹⁾ и все же ³²⁰⁾ и все же ³²¹⁾ и все же ³²²⁾ и все же ³²³⁾ и все же ³²⁴⁾ и все же ³²⁵⁾ и все же ³²⁶⁾ и все же ³²⁷⁾ и все же ³²⁸⁾ и все же ³²⁹⁾ и все же ³³⁰⁾ и все же ³³¹⁾ и все же ³³²⁾ и все же ³³³⁾ и все же ³³⁴⁾ и все же ³³⁵⁾ и все же ³³⁶⁾ и все же ³³⁷⁾ и все же ³³⁸⁾ и все же ³³⁹⁾ и все же ³⁴⁰⁾ и все же ³⁴¹⁾ и все же ³⁴²⁾ и все же ³⁴³⁾ и все же ³⁴⁴⁾ и все же ³⁴⁵⁾ и все же ³⁴⁶⁾ и все же ³⁴⁷⁾ и все же ³⁴⁸⁾ и все же ³⁴⁹⁾ и все же ³⁵⁰⁾ и все же ³⁵¹⁾ и все же ³⁵²⁾ и все же ³⁵³⁾ и все же ³⁵⁴⁾ и все же ³⁵⁵⁾ и все же ³⁵⁶⁾ и все же ³⁵⁷⁾ и все же ³⁵⁸⁾ и все же ³⁵⁹⁾ и все же ³⁶⁰⁾ и все же ³⁶¹⁾ и все же ³⁶²⁾ и все же ³⁶³⁾ и все же ³⁶⁴⁾ и все же ³⁶⁵⁾ и все же ³⁶⁶⁾ и все же ³⁶⁷⁾ и все же ³⁶⁸⁾ и все же ³⁶⁹⁾ и все же ³⁷⁰⁾ и все же ³⁷¹⁾ и все же ³⁷²⁾ и все же ³⁷³⁾ и все же ³⁷⁴⁾ и все же ³⁷⁵⁾ и все же ³⁷⁶⁾ и все же ³⁷⁷⁾ и все же ³⁷⁸⁾ и все же ³⁷⁹⁾ и все же ³⁸⁰⁾ и все же ³⁸¹⁾ и все же ³⁸²⁾ и все же ³⁸³⁾ и все же ³⁸⁴⁾ и все же ³⁸⁵⁾ и все же ³⁸⁶⁾ и все же ³⁸⁷⁾ и все же ³⁸⁸⁾ и все же ³⁸⁹⁾ и все же ³⁹⁰⁾ и все же ³⁹¹⁾ и все же ³⁹²⁾ и все же ³⁹³⁾ и все же ³⁹⁴⁾ и все же ³⁹⁵⁾ и все же ³⁹⁶⁾ и все же ³⁹⁷⁾ и все же ³⁹⁸⁾ и все же ³⁹⁹⁾ и все же ⁴⁰⁰⁾ и все же ⁴⁰¹⁾ и все же ⁴⁰²⁾ и все же ⁴⁰³⁾ и все же ⁴⁰⁴⁾ и все же ⁴⁰⁵⁾ и все же ⁴⁰⁶⁾ и все же ⁴⁰⁷⁾ и все же ⁴⁰⁸⁾ и все же ⁴⁰⁹⁾ и все же ⁴¹⁰⁾ и все же ⁴¹¹⁾ и все же ⁴¹²⁾ и все же ⁴¹³⁾ и все же ⁴¹⁴⁾ и все же ⁴¹⁵⁾ и все же ⁴¹⁶⁾ и все же ⁴¹⁷⁾ и все же ⁴¹⁸⁾ и все же ⁴¹⁹⁾ и все же ⁴²⁰⁾ и все же ⁴²¹⁾ и все же ⁴²²⁾ и все же ⁴²³⁾ и все же ⁴²⁴⁾ и все же ⁴²⁵⁾ и все же ⁴²⁶⁾ и все же ⁴²⁷⁾ и все же ⁴²⁸⁾ и все же ⁴²⁹⁾ и все же ⁴³⁰⁾ и все же ⁴³¹⁾ и все же ⁴³²⁾ и все же ⁴³³⁾ и все же ⁴³⁴⁾ и все же ⁴³⁵⁾ и все же ⁴³⁶⁾ и все же ⁴³⁷⁾ и все же ⁴³⁸⁾ и все же ⁴³⁹⁾ и все же ⁴⁴⁰⁾ и все же ⁴⁴¹⁾ и все же ⁴⁴²⁾ и все же ⁴⁴³⁾ и все же ⁴⁴⁴⁾ и все же ⁴⁴⁵⁾ и все же ⁴⁴⁶⁾ и все же ⁴⁴⁷⁾ и все же ⁴⁴⁸⁾ и все же ⁴⁴⁹⁾ и все же ⁴⁵⁰⁾ и все же ⁴⁵¹⁾ и все же ⁴⁵²⁾ и все же ⁴⁵³⁾ и все же ⁴⁵⁴⁾ и все же ⁴⁵⁵⁾ и все же ⁴⁵⁶⁾ и все же ⁴⁵⁷⁾ и все же ⁴⁵⁸⁾ и все же ⁴⁵⁹⁾ и все же ⁴⁶⁰⁾ и все же ⁴⁶¹⁾ и все же ⁴⁶²⁾ и все же ⁴⁶³⁾ и все же ⁴⁶⁴⁾ и все же ⁴⁶⁵⁾ и все же ⁴⁶⁶⁾ и все же ⁴⁶⁷⁾ и все же ⁴⁶⁸⁾ и все же ⁴⁶⁹⁾ и все же ⁴⁷⁰⁾ и все же ⁴⁷¹⁾ и все же ⁴⁷²⁾ и все же ⁴⁷³⁾ и все же ⁴⁷⁴⁾ и все же ⁴⁷⁵⁾ и все же ⁴⁷⁶⁾ и все же ⁴⁷⁷⁾ и все же ⁴⁷⁸⁾ и все же ⁴⁷⁹⁾ и все же ⁴⁸⁰⁾ и все же ⁴⁸¹⁾ и все же ⁴⁸²⁾ и все же ⁴⁸³⁾ и все же ⁴⁸⁴⁾ и все же ⁴⁸⁵⁾ и все же ⁴⁸⁶⁾ и все же ⁴⁸⁷⁾ и все же ⁴⁸⁸⁾ и все же ⁴⁸⁹⁾ и все же ⁴⁹⁰⁾ и все же ⁴⁹¹⁾ и все же ⁴⁹²⁾ и все же ⁴⁹³⁾ и все же ⁴⁹⁴⁾ и все же ⁴⁹⁵⁾ и все же ⁴⁹⁶⁾ и все же ⁴⁹⁷⁾ и все же ⁴⁹⁸⁾ и все же ⁴⁹⁹⁾ и все же ⁵⁰⁰⁾ и все же ⁵⁰¹⁾ и все же ⁵⁰²⁾ и все же ⁵⁰³⁾ и все же ⁵⁰⁴⁾ и все же ⁵⁰⁵⁾ и все же ⁵⁰⁶⁾ и все же ⁵⁰⁷⁾ и все же ⁵⁰⁸⁾ и все же ⁵⁰⁹⁾ и все же ⁵¹⁰⁾ и все же ⁵¹¹⁾ и все же ⁵¹²⁾ и все же ⁵¹³⁾ и все же ⁵¹⁴⁾ и все же ⁵¹⁵⁾ и все же ⁵¹⁶⁾ и все же ⁵¹⁷⁾ и все же ⁵¹⁸⁾ и все же ⁵¹⁹⁾ и все же ⁵²⁰⁾ и все же ⁵²¹⁾ и все же ⁵²²⁾ и все же ⁵²³⁾ и все же ⁵²⁴⁾ и все же ⁵²⁵⁾ и все же ⁵²⁶⁾ и все же ⁵²⁷⁾ и все же ⁵²⁸⁾ и все же ⁵²⁹⁾ и все же ⁵³⁰⁾ и все же ⁵³¹⁾ и все же ⁵³²⁾ и все же ⁵³³⁾ и все же ⁵³⁴⁾ и все же ⁵³⁵⁾ и все же ⁵³⁶⁾ и все же ⁵³⁷⁾ и все же ⁵³⁸⁾ и все же ⁵³⁹⁾ и все же ⁵⁴⁰⁾ и все же ⁵⁴¹⁾ и все же ⁵⁴²⁾ и все же ⁵⁴³⁾ и все же ⁵⁴⁴⁾ и все же ⁵⁴⁵⁾ и все же ⁵⁴⁶⁾ и все же ⁵⁴⁷⁾ и все же ⁵⁴⁸⁾ и все же ⁵⁴⁹⁾ и все же ⁵⁵⁰⁾ и все же ⁵⁵¹⁾ и все же ⁵⁵²⁾ и все же ⁵⁵³⁾ и все же ⁵⁵⁴⁾ и все же ⁵⁵⁵⁾ и все же ⁵⁵⁶⁾ и все же ⁵⁵⁷⁾ и все же ⁵⁵⁸⁾ и все же ⁵⁵⁹⁾ и все же ⁵⁶⁰⁾ и все же ⁵⁶¹⁾ и все же ⁵⁶²⁾ и все же ⁵⁶³⁾ и все же ⁵⁶⁴⁾ и все же ⁵⁶⁵⁾ и все же ⁵⁶⁶⁾ и все же ⁵⁶⁷⁾ и все же ⁵⁶⁸⁾ и все же ⁵⁶⁹⁾ и все же ⁵⁷⁰⁾ и все же ⁵⁷¹⁾ и все же ⁵⁷²⁾ и все же ⁵⁷³⁾ и все же ⁵⁷⁴⁾ и все же ⁵⁷⁵⁾ и все же ⁵⁷⁶⁾ и все же ⁵⁷⁷⁾ и все же ⁵⁷⁸⁾ и все же ⁵⁷⁹⁾ и все же ⁵⁸⁰⁾ и все же ⁵⁸¹⁾ и все же ⁵⁸²⁾ и все же ⁵⁸³⁾ и все же ⁵⁸⁴⁾ и все же ⁵⁸⁵⁾ и все же ⁵⁸⁶⁾ и все же ⁵⁸⁷⁾ и все же ⁵⁸⁸⁾ и все же ⁵⁸⁹⁾ и все же ⁵⁹⁰⁾ и все же ⁵⁹¹⁾ и все же ⁵⁹²⁾ и все же ⁵⁹³⁾ и все же ⁵⁹⁴⁾ и все же ⁵⁹⁵⁾ и все же ⁵⁹⁶⁾ и все же ⁵⁹⁷⁾ и все же ⁵⁹⁸⁾ и все же ⁵⁹⁹⁾ и все же ⁶⁰⁰⁾ и все же ⁶⁰¹⁾ и все же ⁶⁰²⁾ и все же ⁶⁰³⁾ и все же ⁶⁰⁴⁾ и все же ⁶⁰⁵⁾ и все же ⁶⁰⁶⁾ и все же ⁶⁰⁷⁾ и все же ⁶⁰⁸⁾ и все же ⁶⁰⁹⁾ и все же ⁶¹⁰⁾ и все же ⁶¹¹⁾ и все же ⁶¹²⁾ и все же ⁶¹³⁾ и все же ⁶¹⁴⁾ и все же ⁶¹⁵⁾ и все же ⁶¹⁶⁾ и все же ⁶¹⁷⁾ и все же ⁶¹⁸⁾ и все же ⁶¹⁹⁾ и все же ⁶²⁰⁾ и все же ⁶²¹⁾ и все же ⁶²²⁾ и все же ⁶²³⁾ и все же ⁶²⁴⁾ и все же ⁶²⁵⁾ и все же ⁶²⁶⁾ и все же ⁶²⁷⁾ и все же ⁶²⁸⁾ и все же ⁶²⁹⁾ и все же ⁶³⁰⁾ и все же ⁶³¹⁾ и все же ⁶³²⁾ и все же ⁶³³⁾ и все же ⁶³⁴⁾ и все же ⁶³⁵⁾ и все же ⁶³⁶⁾ и все же ⁶³⁷⁾ и все же ⁶³⁸⁾ и все же ⁶³⁹⁾ и все же ⁶⁴⁰⁾ и все же ⁶⁴¹⁾ и все же ⁶⁴²⁾ и все же ⁶⁴³⁾ и все же ⁶⁴⁴⁾ и все же ⁶⁴⁵⁾ и все же ⁶⁴⁶⁾ и все же

годе, Юбу-псевдаи́с своихъ друзей, Авраамъ зарюбитъ Исаака, надъ самимъ Курт-гарровицъ люди бьются похотѣвшими, какъ надъ половецкихъ тудановъ. Котъ насъ еще похотѣетъ, что-бы мы признали такую положеніе вещей сѣтливѣе, иакоже бытъ данъ бытъ въ немъ осуществленіе шуровъ предначертаній и въ коего предвѣзанъ на-зала. Безуміе, пишетъ самъ Куртгардъ (и съ точки зрѣнія дѣтской - комично), если существо, которое идетъ въ хитъ, въ силъ свои употребляетъ на то, что-бы ос-лабѣть переходящихъ и удержатъ усмѣяющееся. ⁴ И, въ другой разъ, въ той же книжѣ: „абсолютно желаніе Констан-тина противорѣчитъ, и до конечное доиски ⁵¹⁾ имѣть мочу“. Все это самоочевидна истина, спорить съ ними, пока мы встанемъ.

святос святі не потому, что оно любяще Богу, а Богу любяще святос, потому что оно свято. Для Сократа добро, дань и разум, предельна, несовершенство и есть Бога, который сотворил міръ, совершенно независим. Для него, поэтому, оно до величайших козультативных доущений, что грехи приносят отъ дериби познания. Наоборот: все грехи происходят отъ невѣдѣнія. Конечно то же, что грехи требуютъ возмездія: грѣшниками и солнце не должно свѣтити и когда не должны давать освѣтающей прохладу. Грѣшники попадаютъ въ безраздѣльную власть этическихъ. Этическое не можетъ вернуть голову оторванную ногу, подобную дѣтѣ, возмѣстную. Но казнить оно должно! Киртгарде дѣтально рассказываетъ намъ въ томъ своемъ отъѣздѣ Равенно-999

XII

Власть знанія

Сущность приписывается объективности власти головы Меркуза, превращающей субъективность въ элементъ, а отсутствіе свободы лишаетъ человека возможности разрушить гармонію. Киртгарде

Прогрессное, несовершенное, "этическое" ниско не можетъ дать голову, но оно должно придобать. И даже такъ: чѣмъ меньше оно можетъ дать, тѣмъ больше оно переду- стѣ. Если бы Киртгарде въ этомъ случаѣ тоже закончилъ "идти до конца", отъ дѣтскихъ быкъ бы и на святѣйшей любви ослѣпилъ, бѣснующимъ и надъ правдоушникомъ, и надъ грѣш- никомъ отъѣхавъ такъ-то какъ онъ отъѣхалъ Равенноду. И, въ сущности, - вращенію друзей - по сущности его страстихъ "казидатисъхъ рвѣтъ", собранныхъ въ книгу "жизни и дѣлнхъ любви" сводится къ этому. Она вся целикомъ посвящена развитію той ^{положенія} ~~положенія~~, что сущность отъношеній къ Богу опредѣляется заповѣдью: "ты долженъ любить". Ты долженъ любить Бога, ты долженъ любить ближнихъ, ты долженъ любить страданій и чужой жизни, ты долженъ, ты долженъ, ты долженъ. Когда Киртгарде патхаетъ говорить на тему "ты долженъ" онъ кесерпаетъ дѣла о томъ, что все отъношеніе къ Богу можетъ быть устранено моментъ "ты долженъ" представляется ему подавляющей, прямо тудовичной. Онъ не боится

отвратъ завѣтъ: „отвратителное время крепостного права“ — прощало: человек
хотѣо думать, что оно сдѣлаетъ еще шагъ впередъ, если оно откинуло завѣ-
сность людей отъ Бога, которому мысля изъ насъ принадлежитъ (не въ рожде-
нствѣ, а потому, что онъ созданъ изъ ничего) и въ такомъ случаѣ, въ какой ни одинъ
рабъ не принадлежалъ своему земному господину¹⁾. Въ св. писаніи Киркгардъ тою
идею не могъ. Тамъ сказано: Сабои и сынъ Вавилонскій бы въ-и во Евангелии Іоаннѣ
(Ѳ. 34) повторено: θεοῦ ἐστὶ. ἔστι μο вспомнилъ, что еще раньше Киркгардъ пи-
салъ, что „эта рассматриваетъ насъ какъ человека, какъ своего крепостного“¹⁾
то и въ безъ труда соглашались, отъ куда пришла Киркгарду подобная идея

что сам Бог может простить, может забыть грехи, но не может сделать
опротива бывшее не бывшим - а, как по Библии, такое состояние не раз и ни
обладало - он забывал и Авраама, и Иова, и Давида вину, победившего
царскую дочь, и даже отяжки догнали обратно на Сократу и перетолковывая
ее. Ничего таким образом, чтобы оно не оскорбляло разума и совести мудрого
мало из людей. Бог не может сделать опротива бывшее не бывшим, он и еще
многого сделать не может! Святой истинный источник Божий. У Бога, как и у его апо-
столов, нет власти есть только авторитет: они могут только прощать и
требовать, в некоторых случаях умилять. В одной из своих назидательных
речей по теме о любви и милосердии, Киркгард упоминает ^{еще} начало III^{ей} глав
древней апостольской заповеди: «когда однажды ап. Петр шел в храм, он
встретил паралитика, который просил у него милости. Петр все сказал
ему: серебра и золота нет у меня; что же хочу, то даю тебе: во имя Иисуса Назорея
встань и ходи». И, взяв его за правую руку, поднял. И вдруг укрепился со ступни
и колена и, встав, стал и начал хвалить. Присел этот человек, он, воз-
вмест: «кто может усомниться, что это было делом милосердия? И все же тут
было чудо. Чудо привлекает к себе все наше внимание и отвлекает наше внимание
от милосердия; которое никогда так отчетливо не обнаруживается, как в таких
случаях, когда оно ничто не может сделать: только тогда нечто не может
чужды вполне ясно и определенно виднеться, что такое милосердие».) Может быть, че-
тов эти строки, но что несколько скажет про себя: timor Danaos et dona fe-
rentes. Но, ^{опять таки} тут есть внутренняя необходимость. Тут прежде всего
на лицо та ^{или} безразличность, которая этически, с точки зрения не столько
высвобождает из человеческой души все, заинтересованности, или обеспокоенности. Не толь-
ко Сократ, не только Кант - только приветствовал бы Киркгарда. Тогда даже
еще дальше: он совершенно отвергает евангельский гудера и ~~как~~ возмущает
им, умаляющим в них «какие-нибудь думы». И ведь точно! Чудо, которое
раскрывается в «фантазии», способно совершенно затмить собой и заслонить
забыть все назидательные речи, которые когда-либо произносили люди. Это

Д. Жизнь и работа Любу, 338.

не соблазна? И не лучше бы было, если бы ап. Петр, вместо того, чтобы изложить
разоблачения, как это сделал изрядно и талантливый Исаак Казорин, ограничился бы
только словами любви и утешения? Или, если бы были разоблачения, подготовившие
на ту высоту, где обитает этическое, сказано апостолу: что тебе чужда не нуж-
на, а ищущую только любви и милосердия, ибо, хотя я не знаю, но твердо знаю, что
чужда есть насилье чуждым. Опять, такими образом, приходило исправление
или перетолкование св. писания - приравнивание его к нашим представлениям о Боге
внешнем и внутреннем, германскими в пределах возможного. Несомненно, не-
мощные и простые мысли слишком грубые и наивные, можно сказать, примитивное
представление о Боге. Ибо вечно из чужды, вечно к Богу, для которого все возможно.
Притом, чужды принимать из истины, чужды прощения и через страдание и лишения
Сократа, страдая от „возмущения“ и связанного с возмущением этического, т.е. через его
издержки. И прежде всего необходимо отвлечь внимание от чужды, а это можно
сделать только так, как никто не заинтересованная любовь. Она, конечно, бесчеловечна, если
не поставит на свои разоблачения. Иначе говоря, с загадочной тайной и боимся
на каждой странице повторять, что это блаженство. Милосердие никто не может
сделать. Так часто и так упорно повторять, что в конце концов доблестей,
своего внимания читателя совершенно отвлекается от чужды и наклонность каяться,
что приведенная из Библия и этическое апостольских суждений не из Библии, а
из сочинений Эпиктета или речей Сократа, и что у апостола Петра даже авторитет,
никакой, чтобы научить, повелевать почитать и бояться. Как князь
апостолов, как папа издревле из чужды, столь же Всеплоть, талантливая и
испробованная - как и была представляющая уже этической мудрости. Боже Сократа
пред лицом Всеплоти так же все бесчеловечно и слабо, как и сам Сократ. Восток
распоряжений только добродетели и мудрости, которыми он, как и полагаем
всеплотному существу, восток грешит с апостолом. Но мир и все, что есть в мире,
ему не подвластно и в мире не он распоряжается. Оттого он и сам „мирный“
и много научил смирения, стараясь отвлечь наше внимание от чужды, которых
никто не дано творить, и привести нас к любви, милосердию, в Богам
о всемогущем, в котором всемогущ, что этическое есть сдвоенное на потребу, т.е.

это одно только изъятие по бедности и горюче чужимъ по виле Сократъ,
вѣдь, знае^т, что вѣщее было для чужд и здрѣ, на виле, и въ чужд мѣрѣ, если
чужд мѣрѣ не вѣщается погони нашего вѣдѣния, а дѣйствительностью, чужд
мѣрѣ вѣдѣния изъ насущнаго вѣдѣния. И Сократъ на этомъ построилъ свою
жизнь: *beatitudo non est proemium virtutis, sed opus virtutis.*¹⁾

Теперь нужно спросить себя: въ какомъ порядкѣ шла мысль Сократа и Сениоса?
Прежде ли они удовольились, что и слава людей, и слава доброты поставлены предъ ними,
и не искали прежде, а потомъ, удовольившись въ ограниченности своихъ силъ, они
стали искать вѣщаго блаженства въ добродѣтели. ~~Которая~~ ^{Вотъ не вѣдь существо,} ~~которая~~ ^{есть} ~~бесцѣнна,~~ ^{есть} ~~какъ и~~

придавая, самая бескорыстная, самая беспримесная любовь безмолвие на сердце ищущих
рока. Эти внимательные взгляды в лицо Киргизарда, ища откровения в них пота, они
они все заключают в себе истинное, но все же чуждое признание непрограммности
рока. „Именно Христа, рассказывает он, есть единственная в своем роде несчастная
любовь: он любил в силу божественного представления о любви, любил всех родов
чуждым роду... Любовь Христа не была жертвенной в головном своем смысле — мучилась всеми
она была такова; он все держал несчастными себя, чтобы спасти их от страдания
себя. Крест, он и себя, и своих держал в такой мере несчастными, в какой,
человечески говоря, это только было возможно... он приносил себя в жертву лишь за
тех, кто, кто, кто он любил, сгорал от него несчастными, как и он
сам”¹⁾. И держал он это — собою, как Крест и Киргизарда — против своих
богов. Он мог бы также возмужать: не от него мучительности! Но, он и
не от Христа, не от Бога — то от кого? Крест же связан на француз, Киргизарда
на христианство. На кого связан Христос, на кого связан Бог, тот же Бог,
от которого „никто ничего не возмужает”? Или нам придется вновь вернуться
к эллиническому представлению о Боге, возмужности которого ограничена самой
структурой бытия? И Бог чужд то связан, и даже Божьи такие разрывы встра-
ивать начало или начала, поставившие от Него, или неопределившись, которых нача-
ла предки Его воле и принуждают доводить себя до совершенства? Крест ищущих
жизни начал, Бог тоже не бесчеловечен, как и антихрист: у него есть только ми-
ловость и милосердие, которых сгорать никто не может. Киргизарда твердо заявляет:
и ты должен любить. Только думать, только обладать любовью обезличивать
любовь от всяких перемен, держал ее в божественной независимости вечно
свободной, обеспечивать ей блаженство навек, ограничить ее от отчаяния.²⁾
И еще повторяет: „только тогда, когда любовь-сестра думает, только тогда она облетает
на в сапожники. И чуждым дальше, чуждым разне и настойчивое блуждание от свое „ни-
гоже”, но не с тем же ясным и безличным безстрашием, с которым говорит
о думает в „Критики практического разума” (Киргизарда „Критики практического разума”³⁾

¹⁾ Духовная и истинная любовь // 16 мая ²⁾ Ж. З.

никогда не называет, хотя он как-то знает пороки), а с ними нарровом, с тем пист-
 боу безупречности, которая, ~~даже~~ и в его соображениях предстает ~~автоматически~~ ^{исключительно},
 у кого еще можно встретить ^{слова} ~~утверждения~~ в роде ~~того~~ ^{мне}, которые много ~~должны~~ ^{сейчас}
 привести и которые ~~заключаются~~ ^{заключаются} - а чуть не сказать и то, кажется было бы ~~правильно~~
 и не - по крайней мере ~~требуют~~ ^{требуют} человеческого поворота: „любовь Христа не было самопо-
 жертвования в человеческом смысле, меньше всего можно назвать ее самопожертвова-
 нием; он не отказался себя в человеческом смысле, не отказался ~~сам~~ ^{самим}, чтобы ~~сделать~~
 своих счастливыми. Чуть и себя, и своих он ~~сделал~~ ^{сделал} ~~настолько~~ ^{настолько} ~~счастливыми~~ ^{счастливыми}, насколько
 это, ~~вопреки~~ ^{вопреки} ~~человеческим~~ ^{человеческим} ~~законам~~ ^{законам}, только было возможно... Он не жертвует собой, чтобы ~~сделать~~

иногда бичем, а иногда и пощадой, а с кротостью останавливаются они на известном месте. Вот Луки: если не воспоследует отцу, матери и т.д. Иисуса, разве Иисуса требует невинности отцу, матери, жене, друзьям - то есть на этом месте примирения Кирсарда, только добрый до этого парадоксально предостерегает, Кирсарда утешается, если слово успокаивается: может быть в каком-либо смысле примирения к Кирсарду. Лучше сказать - останавливается: дальше идти некуда. Да и тогда, и тут необходимость. „Диалектика неслучайной любви“ сглотила свое собственное тело. Любовь, которая ничего не может, любовь, которая обречена на безвкусие, превращается, как предсказывал Достоевский, в такую, легчайшую, нежную, нежную, нежную. И Кирсарда много этого добывает. Вот как он „истолковывает“ слова Христа: „придите ко мне все трудящиеся и обремененные и упокою вас“ - в своем ките в употреблении в христианстве: „если вы сами несчастны из-за своих несчастных желаний, тогда вы можете помочь, чтобы вы ^{стали} еще больше несчастными, тогда вы и в Нему: Он может помочь“ (Тх, 50). И, чтобы не было сомнений, как вы понимаете божество и миссию Христа, через несколько страниц вы саркастически вновь записываете: „придите ко мне, которые умиротворены холоду и казались ему: и боже, вы же благодарное прощение прощали, это, ведь возмутительно! События поворачиваются, это даже странно, но это смехом серьезно, чтобы слышать“ (Тх, 55). Иисус, так же образован, как люди, возмущаются под его мечом, говорят так, как учил Фрейд, как учат все мудрецы. Кирсарда упрекает Гегеля: „каждое находило и Гегель безсмертия, а не только у него этого“ (VI, 23). Но, если, как он в другом месте пишет, то не ките и не ките, „безмерное и вечно некое только в истине“ (ib. 218) - то упреки Кирсарда несправедливы. Гегель, в этом смысле не отрицает это Спирит, который, впрочем, и вообще со философии насущно променял: „Мои всегда размышляли в *sub specie aeternitatis*. И наконец не отрицал никаких писаний под знаменитыми словами заманджского отшельника: *senti- tunc experientieque nos aeternos esse*. Кирсарду, конечно, было известно, что в Гегеле

¹⁾ Купцовы не знают много, что и интересно во $\overline{XIV}$ в. общие вопросы трогать.

встретились отъ отца, матери и т.д. во имя „наго доноска“ 2) Это въ „потокахъ жизни —
наго пути“ въ практическомъ же въ Христу, а не действующиму изъ своего повествования,
(Сл. слово о срамѣ)

добити чого нибудь в цій нині, тому, правда, куди острашимь сабтѣ.
Но, кто стабить себя безмірною жаждою, тотъ долженъ открыть свою душу стра-
ноу.

" 1)

И бесспорно: религиозное таинство жизни связано со страданиями. Что не было
смерти и отъ греховъ: платонъ даже опредѣлялъ философію, какъ ψυλὴ δαίμων,
какъ упражнение въ смирѣ, и тотъ загадочный παιδείας, о которомъ намъ
напомнилъ Киріардъ, было тѣмъ ближе къ платону, чѣмъ чужой разъ можетъ
показаться, а для Киріарда онъ даже былъ какъ бы предметомъ ἐκπαίδευσις Кир-
востанъ. Но не тѣмъ ли снова возвращаемъ къ основному вопросу: что для насъ
человѣкъ предъ лицомъ чужихъ дѣтей? Греки искали спасенія въ καὶ ἀρετῆς,
въ освобожденіи отъ привязанности къ преходящему и конечному, по самому
существу своему отреченію на себя. Греки назвали безуміемъ всякаго помысла
восстанія противъ необходимости, покрывшей себя раба дѣтей. Ихъ мудрость
была не отреченію, была которая они для чужихъ и не находили исхода. Для
Киріарда греческая мудрость была неперемѣнна. Она пошла дѣлать, въ по-
тѣхъ, чтобъ все дѣлать, что для Бога было необходимо. И все же онъ не
имелъ христіанства — звалъ къ блаженству καὶ ἀρετῆς, отщепенію. Но, загадочнымъ
образомъ — въ противуположность греческой и восточной, подавляющей божию
силу христіанскимъ проповѣдникомъ отреченія, онъ обращалъ, блаженство лю-
ди, прошедшимъ черезъ отщепеніе, въ такіе потрошительскіе краснорѣ-
чія, которые приходили въ страхъ и трепетъ — и отъходили при томъ не благоу-
мны, а житійскіе, почти животинніе — даже самые страстные поклонники его. Кир-
іардъ не могъ остановиться на серединѣ, на тѣхъ „бѣгахъ или мѣтахъ“, въ которыхъ
люди привыкли упражняться отъ зововъ и тайнъ дѣтей. Если необходимость — причина,
неотвѣрена, если надъ ней нѣтъ управленія, то блаженство, утѣшеніе для людей
христіанскихъ, а не самихъ чужихъ людей, наши только можетъ приучать
расплатѣе воображенія — но тѣмъ же и блаженство Бога. Жизнь Христа есть
одна непрерывная, неудачная любовь, какъ и жизнь Серена Киріарда. И въ Гречес-

1) IV. 341

маленькомъ, какъ на голландскомъ пути обрѣтъ, много мертвыхъ, погребенъ и,
собравъ замучавшихся, встѣпавъ на дѣло и проклинае Бога: и чужды къ
этимъ не могъ отъ этого забыть, когда еще было 82 года.

тѣхъ, едипородно ихъ своимъ божіимъ тиветѣ „тихъ отпачіе“. И нагѣ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
 тѣмъ прохитіе, что нагѣ ~~жестокості~~^{жестокості}, отъ бесчестіе, хотѣть, но не можеть, противи-
 ваетъ руку къ дереву жизни, но срабаетъ плодъ съ дерева познаній и все дѣйствіе тѣхъ
 превращается въ ⁷⁷постыженье услаждающую отъ него тѣхъ. Вспомогательное дѣло: купю
 купитъ бесчестіе людей, купю купитъ бесчестіе Бога и въ этомъ видѣтъ блаженство.
 Не воргать въ тѣхъ тѣхъ, а искать ихъ, какъ искать ихъ Богъ, для того имен-
 но и воплотился въ человѣческій образъ. Бесчестіе и блужданіе — во эмпирическомъ
 Найдѣ величій каритѣ идея ~~фоболовой~~ интерпретации. И не той, которая направлена
 Авраама, когда онъ ~~фоболовой~~ занесъ потѣ нагѣ Исаакомъ. Авраамъ вѣрилъ, что,

стодитъ

лучше и потому что военно равнодушное и ~~недоуверчивое~~ ^т антическое со своимъ неумо-
лимымъ зѣломъ доиссѣе: то доиссѣе быть непонятнымъ. И нечего даже спрашивать
откуда эта безмерная власть у антическаго? Единственно, что намъ остается: поор-
жанать Богу и воплотившемуся въ чловѣка сыну Божьему: ни о чемъ не сура-
шивая, нести истраданіе намъ утѣса и въ нихъ находить свое блаженство.
Надо думать, что и сами Боги, отдавъ свою сына на мучки, испытывали бла-
женство: они уродили антическому. И въ этомъ, учить насъ Кирсардо, Бодерта-
не Блати въстѣ, приписанной людямъ христианства: христианство имѣетъ
свою задачу осуществленіе на землѣ „антическаго“.

Но, чѣмъ тогда христианство отличается отъ греческой мудрости? И гречки учи-
ли, что добродѣтели чловѣкъ будетъ блаженнымъ и въ эсхатологическомъ блженіи.
Для греческой уже философіи не было ничего теоретическимъ различіемъ, а
нѣкимъ указаніемъ. Клѣсарисъ Платона, какъ мы видели, самъ уже греческій, а
платонически настроенный. Онъ имѣетъ съ почти сократовскою простотой и ис-
бѣдительностью обличить философовъ, которые, вѣдѣвъ то, что онъ подражаетъ
Зенону и Криспину, записываютъ наизусть и толкуютъ отрывки изъ чужихъ сочиненій.
Если экзистенціальная философія не придумала ничего другаго, что это было
тогда похвала Сократу и замѣчаніе философовъ мудрѣе библейскихъ от-
кровеній? Значитъ было отворачиваться отъ Афинъ и свѣдѣвать свои упованія
о Иерусалимѣ?

Но парадоксально, что Паскаль, который былъ такъ искренно расположенъ къ античе-
ству, съ своей ^{нѣжной} любовью и равнодушіемъ замѣтилъ блженіе и соизволеніе Божье погу-
лять, все же почувствовалъ въ немъ что-то крайне враждебное себѣ и неприемлемое,
что онъ въразумѣ въ словахъ Sursum diaboli. Заготовилъ образцы и самъ Ан-
тисардо отнесовался отъ античества и называлъ его рабствомъ. Онъ никуда не могъ вы-
рваться своего ^{бѣз} познаго сужденія — но вражда-ли будетъ ошибочно допустить, что и
онъ, какъ Паскаль, почувалъ въ душѣ античества элементъ Sursum diaboli. Ан-
тисардо, какъ и Сократъ, считалъ „антическое“ Божьимъ, а сама крепостничеству античному
и, какъ добродѣтели крепостной, заставлялъ себя думать въ тѣхъ канторахъ, въ кото-
рыхъ онъ мѣнилъ, и въ такой философской книгѣ „самъ находилъ и дружилъ при“

наставать наподобие высшего бытия, какое доступно разумному существу. Тутам Фиктенто, он, надо думать, вспоминал слова ап. Павла: все, что не отъ мира есть плоти (всего этого, и плоти и не вспоминал). Или советники и размышления охотнее бы в: если эти-то высшее — то Аврааме похити. Похити — ибо этическое мане угрожает его, мане ни оуни пасть не угрожает своей жертва, если он не забудет своего Исаака. Кирсарда в Фиктенте больше всего требовало то, что Фиктенте пероманно мане в толь изматорично, в котором он мигил, и в маной мкши находил полное удовлетворение. Умне ~~бывает~~ прельдовативный быт Фиктенте, темне бытне его мкши, соот- ветствовало бытннм разумнату и этическату, мане сильне рожи раздражение и погоризитивность Кирсарда. Моу Кирсарда почти не втерпелась уполнзатн- о Сипосе — отом известно, что в его библиотеке находились все сочинения Сипоса и что он ише хорошо знал. Но все впрочемнотн говорят. Да то, что Сипоса, еще больше зауровало и оскорбило бытнренно Кирсарда, темне Фиктенте *acquiescentia in se ipso ex ratione vixi potest et ea acquiescentia qua ex ratione oritur maxima ac quae dari potest* — эти слова Сипоса, равно мане и ~~бытннм~~ ¹⁾ ~~сво~~ ²⁾ ~~эти~~ ³⁾ ~~эти~~ ⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁾ ~~эти~~ ⁷⁾ ~~эти~~ ⁸⁾ ~~эти~~ ⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁾ ~~эти~~ ¹¹⁾ ~~эти~~ ¹²⁾ ~~эти~~ ¹³⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁾ ~~эти~~ ²⁰⁾ ~~эти~~ ²¹⁾ ~~эти~~ ²²⁾ ~~эти~~ ²³⁾ ~~эти~~ ²⁴⁾ ~~эти~~ ²⁵⁾ ~~эти~~ ²⁶⁾ ~~эти~~ ²⁷⁾ ~~эти~~ ²⁸⁾ ~~эти~~ ²⁹⁾ ~~эти~~ ³⁰⁾ ~~эти~~ ³¹⁾ ~~эти~~ ³²⁾ ~~эти~~ ³³⁾ ~~эти~~ ³⁴⁾ ~~эти~~ ³⁵⁾ ~~эти~~ ³⁶⁾ ~~эти~~ ³⁷⁾ ~~эти~~ ³⁸⁾ ~~эти~~ ³⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁾ ~~эти~~ ⁴²⁾ ~~эти~~ ⁴³⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁾ ~~эти~~ ⁵²⁾ ~~эти~~ ⁵³⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁾ ~~эти~~ ⁶²⁾ ~~эти~~ ⁶³⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁾ ~~эти~~ ⁷⁰⁾ ~~эти~~ ⁷¹⁾ ~~эти~~ ⁷²⁾ ~~эти~~ ⁷³⁾ ~~эти~~ ⁷⁴⁾ ~~эти~~ ⁷⁵⁾ ~~эти~~ ⁷⁶⁾ ~~эти~~ ⁷⁷⁾ ~~эти~~ ⁷⁸⁾ ~~эти~~ ⁷⁹⁾ ~~эти~~ ⁸⁰⁾ ~~эти~~ ⁸¹⁾ ~~эти~~ ⁸²⁾ ~~эти~~ ⁸³⁾ ~~эти~~ ⁸⁴⁾ ~~эти~~ ⁸⁵⁾ ~~эти~~ ⁸⁶⁾ ~~эти~~ ⁸⁷⁾ ~~эти~~ ⁸⁸⁾ ~~эти~~ ⁸⁹⁾ ~~эти~~ ⁹⁰⁾ ~~эти~~ ⁹¹⁾ ~~эти~~ ⁹²⁾ ~~эти~~ ⁹³⁾ ~~эти~~ ⁹⁴⁾ ~~эти~~ ⁹⁵⁾ ~~эти~~ ⁹⁶⁾ ~~эти~~ ⁹⁷⁾ ~~эти~~ ⁹⁸⁾ ~~эти~~ ⁹⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁰¹⁾ ~~эти~~ ¹⁰²⁾ ~~эти~~ ¹⁰³⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁰⁹⁾ ~~эти~~ ¹¹⁰⁾ ~~эти~~ ¹¹¹⁾ ~~эти~~ ¹¹²⁾ ~~эти~~ ¹¹³⁾ ~~эти~~ ¹¹⁴⁾ ~~эти~~ ¹¹⁵⁾ ~~эти~~ ¹¹⁶⁾ ~~эти~~ ¹¹⁷⁾ ~~эти~~ ¹¹⁸⁾ ~~эти~~ ¹¹⁹⁾ ~~эти~~ ¹²⁰⁾ ~~эти~~ ¹²¹⁾ ~~эти~~ ¹²²⁾ ~~эти~~ ¹²³⁾ ~~эти~~ ¹²⁴⁾ ~~эти~~ ¹²⁵⁾ ~~эти~~ ¹²⁶⁾ ~~эти~~ ¹²⁷⁾ ~~эти~~ ¹²⁸⁾ ~~эти~~ ¹²⁹⁾ ~~эти~~ ¹³⁰⁾ ~~эти~~ ¹³¹⁾ ~~эти~~ ¹³²⁾ ~~эти~~ ¹³³⁾ ~~эти~~ ¹³⁴⁾ ~~эти~~ ¹³⁵⁾ ~~эти~~ ¹³⁶⁾ ~~эти~~ ¹³⁷⁾ ~~эти~~ ¹³⁸⁾ ~~эти~~ ¹³⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁴¹⁾ ~~эти~~ ¹⁴²⁾ ~~эти~~ ¹⁴³⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁴⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁵¹⁾ ~~эти~~ ¹⁵²⁾ ~~эти~~ ¹⁵³⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁵⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁶¹⁾ ~~эти~~ ¹⁶²⁾ ~~эти~~ ¹⁶³⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁶⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁷¹⁾ ~~эти~~ ¹⁷²⁾ ~~эти~~ ¹⁷³⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁷⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁸¹⁾ ~~эти~~ ¹⁸²⁾ ~~эти~~ ¹⁸³⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁸⁹⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁰⁾ ~~эти~~ ¹⁹¹⁾ ~~эти~~ ¹⁹²⁾ ~~эти~~ ¹⁹³⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁴⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁵⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁶⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁷⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁸⁾ ~~эти~~ ¹⁹⁹⁾ ~~эти~~ ²⁰⁰⁾ ~~эти~~ ²⁰¹⁾ ~~эти~~ ²⁰²⁾ ~~эти~~ ²⁰³⁾ ~~эти~~ ²⁰⁴⁾ ~~эти~~ ²⁰⁵⁾ ~~эти~~ ²⁰⁶⁾ ~~эти~~ ²⁰⁷⁾ ~~эти~~ ²⁰⁸⁾ ~~эти~~ ²⁰⁹⁾ ~~эти~~ ²¹⁰⁾ ~~эти~~ ²¹¹⁾ ~~эти~~ ²¹²⁾ ~~эти~~ ²¹³⁾ ~~эти~~ ²¹⁴⁾ ~~эти~~ ²¹⁵⁾ ~~эти~~ ²¹⁶⁾ ~~эти~~ ²¹⁷⁾ ~~эти~~ ²¹⁸⁾ ~~эти~~ ²¹⁹⁾ ~~эти~~ ²²⁰⁾ ~~эти~~ ²²¹⁾ ~~эти~~ ²²²⁾ ~~эти~~ ²²³⁾ ~~эти~~ ²²⁴⁾ ~~эти~~ ²²⁵⁾ ~~эти~~ ²²⁶⁾ ~~эти~~ ²²⁷⁾ ~~эти~~ ²²⁸⁾ ~~эти~~ ²²⁹⁾ ~~эти~~ ²³⁰⁾ ~~эти~~ ²³¹⁾ ~~эти~~ ²³²⁾ ~~эти~~ ²³³⁾ ~~эти~~ ²³⁴⁾ ~~эти~~ ²³⁵⁾ ~~эти~~ ²³⁶⁾ ~~эти~~ ²³⁷⁾ ~~эти~~ ²³⁸⁾ ~~эти~~ ²³⁹⁾ ~~эти~~ ²⁴⁰⁾ ~~эти~~ ²⁴¹⁾ ~~эти~~ ²⁴²⁾ ~~эти~~ ²⁴³⁾ ~~эти~~ ²⁴⁴⁾ ~~эти~~ ²⁴⁵⁾ ~~эти~~ ²⁴⁶⁾ ~~эти~~ ²⁴⁷⁾ ~~эти~~ ²⁴⁸⁾ ~~эти~~ ²⁴⁹⁾ ~~эти~~ ²⁵⁰⁾ ~~эти~~ ²⁵¹⁾ ~~эти~~ ²⁵²⁾ ~~эти~~ ²⁵³⁾ ~~эти~~ ²⁵⁴⁾ ~~эти~~ ²⁵⁵⁾ ~~эти~~ ²⁵⁶⁾ ~~эти~~ ²⁵⁷⁾ ~~эти~~ ²⁵⁸⁾ ~~эти~~ ²⁵⁹⁾ ~~эти~~ ²⁶⁰⁾ ~~эти~~ ²⁶¹⁾ ~~эти~~ ²⁶²⁾ ~~эти~~ ²⁶³⁾ ~~эти~~ ²⁶⁴⁾ ~~эти~~ ²⁶⁵⁾ ~~эти~~ ²⁶⁶⁾ ~~эти~~ ²⁶⁷⁾ ~~эти~~ ²⁶⁸⁾ ~~эти~~ ²⁶⁹⁾ ~~эти~~ ²⁷⁰⁾ ~~эти~~ ²⁷¹⁾ ~~эти~~ ²⁷²⁾ ~~эти~~ ²⁷³⁾ ~~эти~~ ²⁷⁴⁾ ~~эти~~ ²⁷⁵⁾ ~~эти~~ ²⁷⁶⁾ ~~эти~~ ²⁷⁷⁾ ~~эти~~ ²⁷⁸⁾ ~~эти~~ ²⁷⁹⁾ ~~эти~~ ²⁸⁰⁾ ~~эти~~ ²⁸¹⁾ ~~эти~~ ²⁸²⁾ ~~эти~~ ²⁸³⁾ ~~эти~~ ²⁸⁴⁾ ~~эти~~ ²⁸⁵⁾ ~~эти~~ ²⁸⁶⁾ ~~эти~~ ²⁸⁷⁾ ~~эти~~ ²⁸⁸⁾ ~~эти~~ ²⁸⁹⁾ ~~эти~~ ²⁹⁰⁾ ~~эти~~ ²⁹¹⁾ ~~эти~~ ²⁹²⁾ ~~эти~~ ²⁹³⁾ ~~эти~~ ²⁹⁴⁾ ~~эти~~ ²⁹⁵⁾ ~~эти~~ ²⁹⁶⁾ ~~эти~~ ²⁹⁷⁾ ~~эти~~ ²⁹⁸⁾ ~~эти~~ ²⁹⁹⁾ ~~эти~~ ³⁰⁰⁾ ~~эти~~ ³⁰¹⁾ ~~эти~~ ³⁰²⁾ ~~эти~~ ³⁰³⁾ ~~эти~~ ³⁰⁴⁾ ~~эти~~ ³⁰⁵⁾ ~~эти~~ ³⁰⁶⁾ ~~эти~~ ³⁰⁷⁾ ~~эти~~ ³⁰⁸⁾ ~~эти~~ ³⁰⁹⁾ ~~эти~~ ³¹⁰⁾ ~~эти~~ ³¹¹⁾ ~~эти~~ ³¹²⁾ ~~эти~~ ³¹³⁾ ~~эти~~ ³¹⁴⁾ ~~эти~~ ³¹⁵⁾ ~~эти~~ ³¹⁶⁾ ~~эти~~ ³¹⁷⁾ ~~эти~~ ³¹⁸⁾ ~~эти~~ ³¹⁹⁾ ~~эти~~ ³²⁰⁾ ~~эти~~ ³²¹⁾ ~~эти~~ ³²²⁾ ~~эти~~ ³²³⁾ ~~эти~~ ³²⁴⁾ ~~эти~~ ³²⁵⁾ ~~эти~~ ³²⁶⁾ ~~эти~~ ³²⁷⁾ ~~эти~~ ³²⁸⁾ ~~эти~~ ³²⁹⁾ ~~эти~~ ³³⁰⁾ ~~эти~~ ³³¹⁾ ~~эти~~ ³³²⁾ ~~эти~~ ³³³⁾ ~~эти~~ ³³⁴⁾ ~~эти~~ ³³⁵⁾ ~~эти~~ ³³⁶⁾ ~~эти~~ ³³⁷⁾ ~~эти~~ ³³⁸⁾ ~~эти~~ ³³⁹⁾ ~~эти~~ ³⁴⁰⁾ ~~эти~~ ³⁴¹⁾ ~~эти~~ ³⁴²⁾ ~~эти~~ ³⁴³⁾ ~~эти~~ ³⁴⁴⁾ ~~эти~~ ³⁴⁵⁾ ~~эти~~ ³⁴⁶⁾ ~~эти~~ ³⁴⁷⁾ ~~эти~~ ³⁴⁸⁾ ~~эти~~ ³⁴⁹⁾ ~~эти~~ ³⁵⁰⁾ ~~эти~~ ³⁵¹⁾ ~~эти~~ ³⁵²⁾ ~~эти~~ ³⁵³⁾ ~~эти~~ ³⁵⁴⁾ ~~эти~~ ³⁵⁵⁾ ~~эти~~ ³⁵⁶⁾ ~~эти~~ ³⁵⁷⁾ ~~эти~~ ³⁵⁸⁾ ~~эти~~ ³⁵⁹⁾ ~~эти~~ ³⁶⁰⁾ ~~эти~~ ³⁶¹⁾ ~~эти~~ ³⁶²⁾ ~~эти~~ ³⁶³⁾ ~~эти~~ ³⁶⁴⁾ ~~эти~~ ³⁶⁵⁾ ~~эти~~ ³⁶⁶⁾ ~~эти~~ ³⁶⁷⁾ ~~эти~~ ³⁶⁸⁾ ~~эти~~ ³⁶⁹⁾ ~~эти~~ ³⁷⁰⁾ ~~эти~~ ³⁷¹⁾ ~~эти~~ ³⁷²⁾ ~~эти~~ ³⁷³⁾ ~~эти~~ ³⁷⁴⁾ ~~эти~~ ³⁷⁵⁾ ~~эти~~ ³⁷⁶⁾ ~~эти~~ ³⁷⁷⁾ ~~эти~~ ³⁷⁸⁾ ~~эти~~ ³⁷⁹⁾ ~~эти~~ ³⁸⁰⁾ ~~эти~~ ³⁸¹⁾ ~~эти~~ ³⁸²⁾ ~~эти~~ ³⁸³⁾ ~~эти~~ ³⁸⁴⁾ ~~эти~~ ³⁸⁵⁾ ~~эти~~ ³⁸⁶⁾ ~~эти~~ ³⁸⁷⁾ ~~эти~~ ³⁸⁸⁾ ~~эти~~ ³⁸⁹⁾ ~~эти~~ ³⁹⁰⁾ ~~эти~~ ³⁹¹⁾ ~~эти~~ ³⁹²⁾ ~~эти~~ ³⁹³⁾ ~~эти~~ ³⁹⁴⁾ ~~эти~~ ³⁹⁵⁾ ~~эти~~ ³⁹⁶⁾ ~~эти~~ ³⁹⁷⁾ ~~эти~~ ³⁹⁸⁾ ~~эти~~ ³⁹⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁰¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁰²⁾ ~~эти~~ ⁴⁰³⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁰⁹⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁰⁾ ~~эти~~ ⁴¹¹⁾ ~~эти~~ ⁴¹²⁾ ~~эти~~ ⁴¹³⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁴⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁵⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁶⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁷⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁸⁾ ~~эти~~ ⁴¹⁹⁾ ~~эти~~ ⁴²⁰⁾ ~~эти~~ ⁴²¹⁾ ~~эти~~ ⁴²²⁾ ~~эти~~ ⁴²³⁾ ~~эти~~ ⁴²⁴⁾ ~~эти~~ ⁴²⁵⁾ ~~эти~~ ⁴²⁶⁾ ~~эти~~ ⁴²⁷⁾ ~~эти~~ ⁴²⁸⁾ ~~эти~~ ⁴²⁹⁾ ~~эти~~ ⁴³⁰⁾ ~~эти~~ ⁴³¹⁾ ~~эти~~ ⁴³²⁾ ~~эти~~ ⁴³³⁾ ~~эти~~ ⁴³⁴⁾ ~~эти~~ ⁴³⁵⁾ ~~эти~~ ⁴³⁶⁾ ~~эти~~ ⁴³⁷⁾ ~~эти~~ ⁴³⁸⁾ ~~эти~~ ⁴³⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁴¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁴²⁾ ~~эти~~ ⁴⁴³⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁴⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁵¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁵²⁾ ~~эти~~ ⁴⁵³⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁵⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁶¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁶²⁾ ~~эти~~ ⁴⁶³⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁶⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁷¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁷²⁾ ~~эти~~ ⁴⁷³⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁷⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁸¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁸²⁾ ~~эти~~ ⁴⁸³⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁸⁹⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁰⁾ ~~эти~~ ⁴⁹¹⁾ ~~эти~~ ⁴⁹²⁾ ~~эти~~ ⁴⁹³⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁴⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁵⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁶⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁷⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁸⁾ ~~эти~~ ⁴⁹⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁰¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁰²⁾ ~~эти~~ ⁵⁰³⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁰⁹⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁰⁾ ~~эти~~ ⁵¹¹⁾ ~~эти~~ ⁵¹²⁾ ~~эти~~ ⁵¹³⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁴⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁵⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁶⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁷⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁸⁾ ~~эти~~ ⁵¹⁹⁾ ~~эти~~ ⁵²⁰⁾ ~~эти~~ ⁵²¹⁾ ~~эти~~ ⁵²²⁾ ~~эти~~ ⁵²³⁾ ~~эти~~ ⁵²⁴⁾ ~~эти~~ ⁵²⁵⁾ ~~эти~~ ⁵²⁶⁾ ~~эти~~ ⁵²⁷⁾ ~~эти~~ ⁵²⁸⁾ ~~эти~~ ⁵²⁹⁾ ~~эти~~ ⁵³⁰⁾ ~~эти~~ ⁵³¹⁾ ~~эти~~ ⁵³²⁾ ~~эти~~ ⁵³³⁾ ~~эти~~ ⁵³⁴⁾ ~~эти~~ ⁵³⁵⁾ ~~эти~~ ⁵³⁶⁾ ~~эти~~ ⁵³⁷⁾ ~~эти~~ ⁵³⁸⁾ ~~эти~~ ⁵³⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁴¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁴²⁾ ~~эти~~ ⁵⁴³⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁴⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁵¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁵²⁾ ~~эти~~ ⁵⁵³⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁵⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁶¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁶²⁾ ~~эти~~ ⁵⁶³⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁶⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁷¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁷²⁾ ~~эти~~ ⁵⁷³⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁷⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁸¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁸²⁾ ~~эти~~ ⁵⁸³⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁸⁹⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁰⁾ ~~эти~~ ⁵⁹¹⁾ ~~эти~~ ⁵⁹²⁾ ~~эти~~ ⁵⁹³⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁴⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁵⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁶⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁷⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁸⁾ ~~эти~~ ⁵⁹⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁰¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁰²⁾ ~~эти~~ ⁶⁰³⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁰⁹⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁰⁾ ~~эти~~ ⁶¹¹⁾ ~~эти~~ ⁶¹²⁾ ~~эти~~ ⁶¹³⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁴⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁵⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁶⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁷⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁸⁾ ~~эти~~ ⁶¹⁹⁾ ~~эти~~ ⁶²⁰⁾ ~~эти~~ ⁶²¹⁾ ~~эти~~ ⁶²²⁾ ~~эти~~ ⁶²³⁾ ~~эти~~ ⁶²⁴⁾ ~~эти~~ ⁶²⁵⁾ ~~эти~~ ⁶²⁶⁾ ~~эти~~ ⁶²⁷⁾ ~~эти~~ ⁶²⁸⁾ ~~эти~~ ⁶²⁹⁾ ~~эти~~ ⁶³⁰⁾ ~~эти~~ ⁶³¹⁾ ~~эти~~ ⁶³²⁾ ~~эти~~ ⁶³³⁾ ~~эти~~ ⁶³⁴⁾ ~~эти~~ ⁶³⁵⁾ ~~эти~~ ⁶³⁶⁾ ~~эти~~ ⁶³⁷⁾ ~~эти~~ ⁶³⁸⁾ ~~эти~~ ⁶³⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁴¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁴²⁾ ~~эти~~ ⁶⁴³⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁴⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁵¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁵²⁾ ~~эти~~ ⁶⁵³⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁵⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁶¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁶²⁾ ~~эти~~ ⁶⁶³⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁶⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁷¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁷²⁾ ~~эти~~ ⁶⁷³⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁷⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁸¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁸²⁾ ~~эти~~ ⁶⁸³⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁸⁹⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁰⁾ ~~эти~~ ⁶⁹¹⁾ ~~эти~~ ⁶⁹²⁾ ~~эти~~ ⁶⁹³⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁴⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁵⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁶⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁷⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁸⁾ ~~эти~~ ⁶⁹⁹⁾ ~~эти~~ ⁷⁰⁰⁾ ~~эти~~ ⁷⁰¹⁾ ~~эти~~ ⁷⁰²⁾ ~~эти~~ ⁷⁰³⁾ ~~эти~~ ⁷⁰⁴⁾ ~~эти~~ ⁷⁰⁵⁾ ~~эти~~ ⁷⁰⁶⁾ ~~эти~~

Самой степени, чьих диктатов Паскалю, слушаю читая Кирсгарду, ибо чья
совершенство, в телесных силах, он был, тем же живительное обрисовывалось в
нем впрямь *diabolique*. Он в самом деле был способен вносить и вносить
со спокойной и ясной душой *utramque faciem fortunae*. Все уходило на второй план
и теряло значение *sub specie aeternitatis*, кроме духовной любви к Богу и таин-
ство духовной радости о рождестве. Величайший риск есть возможность с тем же и
величайший греховник! "трудно" признаться в этом, объяснял нам Кирс-
гард, но слова об этом молчали. И Сократ, и Спелоза и даже скроенный дик-
тат - не правдивы, как те приемы души, а греховник, своей праведностью

и еще больше возмущали до его записки Кирсарда, что некоторые философы сами рт
мать, во имя его Исаии. Взяв это — произвол, самый настоящий, подлинный, ^{как мне представляется,}
болю, разумею произвола. Не только философ — даже не даю самими, урнать, что
важно, что не само: не потому что и до свято, что боги его любят, и боги могут
и дошлиа любить только свято. Блаженство и смертная, и бессмертная не в „ко-
нском“, не в „преодоливающих радостях и отсутствием столь же преодолевающих скорбей“,
а в „доброт“, которое ни в каком случае ни с радостями, ни со скорбями иными
не происходит и которое связано из самих кино материала, там же, где
люди обогно дорожат или что люди обогно любят. Оттого — так же у Инкиты
„та доброт“ высится и повелевает над всеми „я могу“. Но высится не так,
как у Кирсарда. Инкиты, как и Сократу, иногда и на уме не происходит
еказанье, что сумасное из философов блаженство на телесном оценок и чис
блжкоу быть, как и может с нами примириться. Философии не удостоивает
также внимания „общую оценку“ и того, что люди естественные своими добротами,
если не случайно, но по закону и вдобаву и вспоминают о том, что чужие, что
отмажутся, как от некого не стоящего, сущего и прелепного. Далее терять
добрая не смущала до прекрасного мира: „если богами угодно, пусть будет
так“, сказали бы они. Тот, кто не способен поднестись на такую высоту ума и
этой — не достоин называться философом и именем философа: он так же раб, ежебан
ный и измученный и ничтожными прислуживающими к преодолению. Свободной
словом возмощит над всеми злыми, угодит в эту область злочасную
вечную, до которой чужие и тревожения земли не доходят. Свобода вовсе не есть
возможность, какая возмещает, спаяна на с. Исаии, Кирсарда, свобода есть да
робичная иудича долами возможностей вобра между добром и злом. И эта воз-
можность, начиная так с бессмертных предоставляется каждому человеку. Сократ
хотел бы быть свободным — и быть свободным: он начал в жизни, всего ^{только}
всего — и начал с. Это философии есть упражнение свободы в поисках высшего.
Что хочешь пройти в царстве божие — тот должен подражать Сократу. При-
чем совершенно безразлично, придет ли человек в жизни божие пострадать,
будет ли его презирать или не будет. Если бы Сократ пользовался общими

убавленіямъ и умеръ свои снѣтѣю, ато нѣкто бо не кѣмъ нѣмъ по существу! иже нѣмъ
 убоги такіе-не мало убавили-бо ето чѣмъ нѣмъ, какъ мало къ ней прибавили нѣмъ.
 Мудрецъ не считаетъ ни тѣмъ, не дружики. Поэтому онъ гордо провозглашаетъ
 свою независимость даже отъ всемогущаго бога: все, что не въ нашей власти (22' u' u'
24' u' u') - для насъ безразлично. Никто-ни даже боги не могутъ его ни наказать, ни
 похвалить. ~~Убоги~~ Мудрей чѣмъ Матвей, иже нѣмъ, вѣрно разсуждаетъ въ этой пошлой и
 такъ весьма ироничеюущей "независимости" греческаго мудреца отъ ^{diabolique} Бога ^{ты дуракъ}
 тѣмъ гордо, о которомъ говорится въ св. Писаніи и можетъ быть нѣкто, въ той же
 мѣрѣ ^{какъ диктуетъ} не ^{нѣ} можетъ ^{нѣ} предъ нами раскрыть сущности истиннобожественной и безбожной

для Бога все возможно, что по слову Бога стало бытием, плути суща, пронаменна
отца, сына, мертвых воскресение. Сокрыти обнародова быти такою Богу. Он твердо знает
своими словесами, разумом, что невозможное не бывает, что невозможное
никогда и потому невозможно, что оно никогда и где не было и никогда и где
не будет и что пред невозможностью, поэтому, все кончено окончательно. **Но**
тем, твердо то же он знает, что разум не обманывает и что и в мире
наших закликан, которыми можно было бы освободить человека от власти
произвола и чести, но за то у человека есть воля, которая повелевает ему
эти и так возмужать и покориться им. Основное положение — не субъективное откры-
тие, как и когда, в миге сознания и твердого ирреального и эротической му-
рости в том, что эротическое является реальностью управления и законности Богу.
Таким образом мое, если бы человек — он и сам знает не отрицает — во всем погр-
нати Сократу и эти его образы были бы продолжением. Хотя, но не законности его
привести к жизни — *divinitas, honor, civitas* — и как почитать в этих пороках,
сказать что-то и как, что которое ни в том, ни в ^{ином} ~~том~~ мире что-то
спасения, ибо то, кто не отбрасывает философии, как нам влечет к жизни,
а предается страсти, никогда не обратит утомленного праведника и
мало праведника спасения. В нем, конечно, да и в ~~спасении~~ ~~спасении~~ ~~спасении~~ —
и как показывать опять — солнце восходит и на горы, и на долины, и на горы. Вдоль
частию, кто не трудится, и тому, кто трудится, нечего быть. Вдоль чужих
полбав, ни о чем не думающих и не заботящихся вперед, обрываются бытие,
этим царь Соломон. Вдоль птицы небеса не слышат, не летят, не собираются в не-
изучен — ~~и~~ и кто-то все, что и кто. Это — все по жизни. Но Сократу — это «сопоставлять»
несправедливости. Но Сократу — он знает, что так «закон друзей»: кто
не трудится (кларок — есть труд), то не есть. «Многие» этическое и что что
в том с разумом. Когда Киртанде является принуден, «отклонит» внимание
своего иуда, дабы, что что Богу нечего невозможного, он не в силе,
да и не хочет бороться с Сократом и его этическим. Что с того, что Богу про-
цасит прохит ^{человеческую} ~~человеческую~~ невинность возвращая уже быть не может. Прощение
есть только прощение, только забвение: уничтожить, не забыть, забыть прохит,

прописавши самісе, и Богу не дано: quod factum est infectum esse nequit. Отъ числа-
совъ бѣжитъ ни Богу, ни людемъ уйти нигдѣ. Но, если это такъ, если чужая это то,
что противно свѣдану съ бѣжитъ — то не только нѣтъ скрывать ихъ, нѣтъ даже
прикрывать — купно и въ впечатлѣніи на виду, и не издѣлать ихъ, а искупить, не прики-
пать только, а благословить. И зачѣмъ училъ, что мудрецъ не можетъ бѣжитъ бла-
женствъ и въ фаларейскомъ блѣдѣ, христианство, превращаясь въ мѣтѣнное, и дѣлать
дѣло — но въ томъ не направлений: только въ фаларейскомъ блѣдѣ чуждымъ об-
рѣзаетъ нечуждое блаженство. Тотъ, кто «погрязаетъ» Сократу, не испугается,
фаларейская бѣда, но кто «погрязаетъ» Христу, придетъ въ ужасъ, если фаларей-

Дружби, наоборот, всю жизнь свою терпела преследования, защищая истину. Об
он причисляет и она надеется на блаженство в иной жизни. У меня нет ав-
торитета, ^{продолжает он} и ^{кстати} против того возврата, то-то, «если бл. бл. вступит с нас
чтобы было, иль ющих, авторитет, он бл. повсюду, вероятно, со мной дружбе разво-
вора, и т.п., не чужды своему, узнаю бл., что твое причисление — это одно обращение
и что тебе нечего ага и далеки от того, что ^{да} видишь во твоем суждении ирреве-
нтен: но у меня нет авторитета и я не вправду твоего разговаривать, и
верно, что тебе откровенно блаженство, такое не точно, маня и подлинный свидет-
ель ~~бл.~~ истинно или герой веры. Но я скажу тебе: исполни, маня жить на и как
нельзя. исполни, чтобы он доисследовал бл. пожелать, он, который итервал
от бл.: и от того, что на первом взгляде бл. труднее всего стигать и от
того, что чем дальше, тем труднее бл. отвечать. Но учимся, маня он стро-
гаче — маня твоему, маня дойти! А тебе же это brings счастье жить в уютном
осень, твоя твоя любил тебе были слышишь души твоя, души тебе радости —
подумай только, маня вопрошаю твоему нежить в мире и спокойствии — и это бл. и
твоя жизнь во все дни твоего пребывания на земле ... и я тебе исполни о свидет-
ля истинно. И тебе не жить в красноте (я этого не думаю), но твоего работа не
помогала всего твоего времени: т.п. мот и отдохнуть, и освятить; то не жить,
молит быть в роскоши, но не зная и нудя. ... Хорошо: твое, жизнь проща в
тихой радости, а сло-уа! — изо дня в день, твоему труд и страдания. И вот
бы оба откровения блаженства: т.п. такое же, как и он. Киргизару даю еще подробно
раск. оживать, что пришлось вписать «свидетельство истинно», как его т.п. и
преследовали, и затеяли контакты!», потом в оба утвари и т.п. откров. такое же
блаженство, как и он. Подумай от т.п. и тогда, раск. бл. не скажишь того
же, что и ч. Маня т.п. «вспомни бл. и не забудь, что бл. оба откровения рас-
ное блаженство». ^и Киргизару, т.п. не постигнет на него за эту функцию читай.
Она с предложением истинности раскрывает нам, во что превращается ^{реализм} ~~истинно~~ когда
оно поддается соблазну «этикетки», и если угодит, к каким ухищрениям уметь
приблизить этикетку, когда ему нужно «ошлать нам внимание от реальности».

не таково, какъ этотъ французъ". И съѣзды, действительно, если путь къ демократизму
идетъ черезъ этическое, если демократизмъ этотъ порождается черезъ подвиги, а не черезъ
мизантропию, если правду открыли первому человеку не боги, а люди - французского народа иътъ:
человекъ не только можетъ, но и долженъ спасаться своими силами, какъ тому учи-
ли древние. Только такое спасение действительно. Оно, стало быть, приводитъ
исправитъ humanitas: тамъ названо initium peccati superbia, и скажемъ:
начало правды - superbia diabolica.

XV

Порабощенная воля

Что думаешь ты, ~~выбираешь~~ ли доброе ты Богу или не выбираешь? Но мой вы-
боръ не свободенъ. Я сама чувствую свою свободу, ибо я все во власти необходимости.
Я не выбираю пути къ Богу, ибо у меня нетъ выбора.

Киргелардъ

Не отъ меня моя суровость. Конечно, какъ стало очевидно, отъ нуды она.
"Изличилъ не по сраженію" - самый очевидный врагъ не расправляется такъ
беспощадно съ побѣжденными, какъ этическое. Но не слѣдуетъ забывать, что "эти-
чески", отъ оно тѣмъ тѣмъ беретъ эту толпу отъ постороннихъ глазъ, не какъ
выдумала свои каменья "тѣ догматы", а приняло ихъ тотчасъ отъ своего посто-
яна - необходимости. Какъ учили: тѣ догматы, стало быть - тѣ и истины: оъ несо-
дѣль этическое изъ свободы, упрямства, правда, но все такъ и свобода. Боюсь при-
тальное свѣдѣніе обнаруживается, однако, француз. Приводитъ сказать, "тѣ не мо-
жемъ, стало быть тѣ догматы". Истинно, конечно, поработили императоровъ Австріи не
свободой, а необходимостью. Суровость, конечно, не отъ Киргеларда - но и не отъ этичес-
кого. Если этическое не дастъ себя въ этомъ своемъ отъяснѣ, то лишь потому, что
оно хочетъ быть автономнымъ, самостоятельнымъ, хочетъ быть воцѣленнымъ, самостоя-
тельнымъ, и отъ этихъ законовъ не принимающихъ начало, потому что разумомъ, который тотъ
и потому же причиняетъ скръбь отъ вѣхъ свою вассальную зависимость отъ необ-
ходимости. Тутъ только обнаруживается, почему Киргелардъ такъ настойчиво требуетъ,
чтобы царь былъ прощанъ черезъ стадию монархизма, и вѣдь отъ тѣхъ потому что
въ этомъ еднѣмъ обморокѣ свободы и при томъ одновременно уснаживалъ какъ понятие
противуположное тому, не свободность, а свободу. Охъ, правда, однако при этомъ на

„діалектику“, то ми будемо бачити не те, що, коли представимо діалектику 2 (ре-
 нання і втечі, а у філософії отримали нехочі друзі істориків з їх прозрін-
 ням. Навіть як ми трактували „діалектику“, вона завжди, як покликання стати, про-
 початок, так і вже унаслідок, певне самодвиження: дане янже баче „надно-
 стремління“ поїти в мир і життя діалектичний процес і, так і виступає,
 з тим же, так і виступає, і покликання творчого ідеального процесу
 дане представляється, - хоч і з тим на першому баченні і частіше парадоксальним - що,
 по кінцю іли значущості історії - певні ідеалістичні прийоми, хоч і при-
 тивні іли болю, оказати ретроспективне вплив на податливу баче і з тим

[illegible]

судять утрати було ^лофену безсилля Куртгарда в такую опірний ісленю и постид-
 иую фрунгу, тїо ганс и ~~у~~ него не хватало мучитба отчуждїю оборонїть
 о тїомъ, тїо гнѣ него було бажитє вєсо на свѣтї. Оиъ ганс усидѣавъ вѣ кримї-
 нїи кѣ себѣ употребити слово „безсилїє“, справедливо опасавсь, что оиъ такїмъ
 образомъ ~~сповѣданію~~ ^{оиъ и мочити вѣ тїомъ и мочити, тїо и} мучити вєдѣавъ свою тайну. Но съ другої сторока, ~~оиъ~~ ^{оиъ} ни отѣмъ фрунги
 не мочити оборонїть, на якъ о безсилїи тїовѣла иредѣ необходимости и мучити поїснїю,
 тїо ~~вѣ~~ ^{и по} ~~мучити~~ тїо, которї называють сѣмъ христианами, вѣмъ сїмъ
 спїрають сѣмъ о „необходимости“, закончатъ сѣ- тїомъ мучити тїомъ гнѣ,
 тїо иредѣ необходимостїю вєе доїснїю отступити и прїсїлчїтїю, ганс икѣ вѣра.

не могу сказать. Почему? Из «контрастных повествований»? Из гордости? Момент
 дѣлѣ из гордости, но ^{не} из той *sublime diabolique*, которую мы открываем у си-
 репнѣйшаго диктатора и у мудрѣйшаго из людей Сократа и которая съ гордостью
 какъ се себя обѣчно представляетъ — мы сейчасъ въ этомъ удовольствіи — кнѣзи обща-
 ки писаны. « Кто задумаетъ бѣ, сдѣлаетъ самъ Ниркара, бѣдѣ или
 добротѣ къ Богу или не выбирать. Но мой выборъ не свободенъ. Я едва чувствую
 свою свободу, ибо я весь во власти креодогиметизма. Я не выбираю пути къ Богу, но
 у меня нѣтъ выбора ¹⁾. Еще съ доброй энергіей выражена то нечеловѣчески инт-
 имное чувство тоски, которое сопровождаетъ у Ниркара сознание, что человеку не

[illegible]

1) Хроном. разн., 81

ное. Въ строгих словах о религиозных талантах нужно сказать, что, когда он любит Бога, он любит того, которому это принадлежит, и блаженство, но не счастье для этой жизни. И религиозные образцы, ничто не порождают прибавить: „у меня есть сила так это почитать; при том же ^{очень} Богу таким образом запутаться в самой опасности из представлений или силков - начать верить в свои заслуги. Но въ строгих словах религиозных талантов справиться со этой опасностью. И, наконец, въ попытке той своей жизни в изгнании или маленьком пугающем „Многие“, в котором он был единственным сотрудником, он пишет: „так же учение,

[illegible]

мудрець дуготів бачилися вь фразарійному дачі — ну іно всю нехач так
 устроїть, щобь таким баченіємъ исчерпалося єе содержание. Не
 помини, що Нирізарує отітраєть оть себя не только Ісуса и улюстрител-
 ную филозофію, но отітраєть и оть мистиківъ; и вряде-ли чи отітраєть,
 если скажемъ, що оть мистиківъ єе болше всего отітраєть, то
 що дѣлаетъ иже єтоє привлекательнѣе для бѣвщипства — чаче современнѣмъ
 культурамъ чужаї иже вичеє достѣпнѣе уже вѣдѣ на даніє телѣснѣу бач-
 енствѣ. Оиє єтою чиєє праче не говоритъ, но побуждѣнѣе, чѣмъ творствѣнѣе
 и вдохловеннѣе передаєть мистикѣ євое раучствѣ о мѣчѣ єе болше, чѣмъ убивѣє и

Это человек, "склонивший свое внимание отсюда". Он знает, что такое
 блаженство - действительно доступное ~~всему~~ ^{всему} ~~нравственному~~ ^{нравственному} ~~существованию~~ ^{существованию} - в том, что
 "продолжать свои склонности" и добросовестно выполнять все "те догматы, об-
 ращения и к нему священной власти". За несколько месяцев до своей смерти
 Кирхгард писал: "допустило только одно отношение к откровенной исти-
 нѣ: вера в нѣе. И это человек верить, можно доказать только одним спо-
 собом: готовностью пострадать за свою веру; и степень веры сама высказыва-
 ется в степени готовности пострадать за свою веру". Слова в послѣдней сте-
 пени самозабвения ^{или} кто решился идти "спорить"? Но, разве поучар, покорен-

сочинение по поводу того, что Лютеру не дозволено заключить свою жизнь мученичества¹⁾, правды и то, что за столетия после Лютера возникли в нем крайнее раздвоение и даже истощание, но все же он не решается сказать, что Лютер не был свидетелем истины (как вы говорили о епископе Люттерке, после смерти постигшего). И, если бы вы спросили, у кого была истинная вера, у Луции Сцеволи и Ретики,² а также у добровольных мучеников свою готовность исполнить ~~бже~~^{бога}, что они считали своим долгом, или у Лютера, который к истории не дал случая представить такую рода доказательств¹⁰, вероятно он их колебался в ответе. Вера не доказывает ни мученичества, ни жертвенности. Вера и вообще

саботаж, почти сама себя саботируя или срабатывая, "достижимости"
своей, "достижимости", которая позволяла саботажу и, наконец, подчинилась пра-
вильно обра-батывать с этой целью, для развития личности ученика, быть конструктивным
материалом известным только и т.д. Выходя из понимания, в конечном роде
знание, ^{видеть} ~~то~~ ^{intelligere}, (~~которое смирением и смирением и смирением в своем~~
~~для понимания и понимания и понимания и понимания и понимания и понимания и понимания и понимания~~) проникает в чуждость
и, по своему существу своему, становится новым изобретением и всеми силами
старается расширять, готовить в эту чуждость чуждость — по его
сущности сущности чуждость ~~идеи, идеи и идеи~~. И наоборот, эти

ваніх: сочиненія Кирітарда не що ине, какъ жи повѣствованія, болѣе или
менше систематизированія и приведенія въ порядок. Но, если человѣческая
трудолюбивость ихъ не возмощитъ — вынесетъ ли ихъ божественное милосердіе? Могутъ
быть, не безполезно знать и помнить, что погѣ страданій^и Кирітарда ра-
дуются не одни, зовѣтъ онъ и зовѣтислѣпыхъ трудностей, которыхъ прино-
сятъ продолжаніе люду и которыхъ люди продолжаютъ въ болѣе
или менѣе стѣпени — какъ онъ прѣиде и былъ бытъ, руководясь
указаніями своего разума и опираясь на свои пораженія. Тогда Кирі-
тарда говорить о страданіяхъ^и онъ разумѣетъ ту безпомощность и ту

стару. Да и такъ въ самомъ фактѣ допущеніи, что Богъ принуждаетъ тѣло²
но принужденіе вѣстаетъ — потому и вопреки силѣ Божескѣ: Богъ тѣмъ никакъ не по-
латѣ не можетъ. Вначѣнъ передодитъ отъ Бога, который принужденіи не хо-
титъ, который принужденіи не хочетъ, и въ нѣмъ, который въ нѣмъ
свѣтъ такъ не сдѣлать и правдоу, такъ и истинное; она и во-
четъ, и можетъ принужденіи *per effusione sanguinis*, конечно — новъ ея ра-
пораненіи сѣтъ тѣмъ, сравнительно съ которыми прочіе крови и
въ прочіе страсти нашего змѣного существованія представляются только въ
Божеской заботѣ. Убогаго, проситъ, умоляетъ, умоляетъ ^{не} ~~Божеской~~ ^{не} ~~пользы~~ ^{чуждѣ}

наоборот, о блаженствах беспокоится редко, словно нечего, словно от
него нетъ утѣшенности, что они кому нибудь могутъ понадобиться. Да и
ничего ли въ салонѣ ушло эти блаженства? И, можетъ ли прижимать к
сердцу киркгарда, не давая себя предвѣстительству тирра пройти черезъ нѣкъ ко
его действительнымъ переживаниямъ?

Вотъ это вы сами рассказали и даже не выключили, а въ гневныхъ своихъ
и въ томъ, что я записывалъ въ гневныхъ 48 и 49 годовъ неслыханно чашѣ впе-
тено и вдумалось. Не легко дали чашѣ въ такой степени продуктивности,
употребить это. Оно само приходитъ, какъ только берешь перо въ руки. Напи-
ши съ собой и другой: сферический и чашѣ. Но, какъ пишется только и
самъ, тобою овладеваетъ поэтическая вдумка. И какъ это странно! У
меня нѣтъ никакой охоты записать на бумагу свои религиозные впечат-
ления и мысли: они и такъ въ мнѣ слишкомъ большое значеніе. И какъ
у меня мало, а написалъ и пропалъ. "1) И въ другой разъ о томъ-же, погъ
забылось, "оседланный" въ чашѣ записано: "молчаніе, скрѣпящее" въ мо-
чали, погъ зрительно, возбуждаетъ погъ зрѣніе и какъ будто бы уже погъ-
бываетъ, но крошечный погъ бодаетъ, что чашѣ молчалъ. Но молчаніе, скрѣпящее
погъ бдѣнностію и молчаливой бдѣнностію, это-подмеченіе, что и есть настоящее
молчаніе. "2) Такие признанія у киркгарда не мало, и тому, кто поставилъ
себя заданіемъ погъ-ти и ближе къ его действительнымъ запросамъ, приходитъ,
хочетъ отъ того или не хочетъ, продвигаться черезъ его бдѣнностіе "разговоръ и
его "молчаніе", которое отъ только и можетъ повѣстись какъ въ то, что
киркгарда считалъ башнѣ, губнѣ и значительнымъ. И бѣтъ можетъ изъ
того непонятно, что было действительно выражениемъ его религиозности, т.е. на-
стоящихъ и рѣшительныхъ переживаній его и что крѣпко не погъ съ убѣжденностію,
порой оглушающею литературою, а погъ его невидимымъ, какъ бы несущимъ-
ющимъ молчаніемъ это присоединяетъ много уже разъ записъ изъ чашѣ 1854
года. "Передаетъ самое существованіе: "Грѣху се киркгарда съ развѣ" "когда кирк-
гарда божество, Боже мой, Боже мой, отъ чего ты меня покинулъ? это было утѣсто

чина моя суровости доверие наше Киртгардо, опытаюсь против обыкновения истинно-
 вания текстов сс. Писаний. Еще более мучительное чувство овладевает нами, когда
 сами боимся пред лицом своего возлюбленного сына принести в жертву эти
 слова. Но отчего это чувство? И самое главное — отчего бы не признать, что
 и ныне до страши мы боимся утратить, утешения в мире смертных и бес-
 смертных, какое было до утраты философии, будет ли она называться истин-
 ной или нет или умозрительной? Философия есть рождение истины и только
 истина, философия от истины низачто на свете не откажется, принесет ли исти-
 на людям величайшее блаженство или величайшее ужас, ибо истина совершенно

гарде, ¹ "заставит", что в мире есть такое, "принуждение", которое даже божественную
любовь заставляет смиряться перед ² "вечностью". Выходя из своей оплоти
и слагаясь в добросовестно, конечно, по крайней мере в известной степени добросовестно
то разе, ¹ "оплоти" даст "всеподобия и подобия" "судения"? И ² "всеподобия" могут
оплоти, в которых у него идет ² "жизнь". Выходя из, больше всего на свете любя
Решину Олвесе. Необходимость повести с ней чуждого, с безмерной, догматической
тщеславием, что даже в последние дни своей жизни, терзаемого мучительными мыслями, когда
Решина Олвесе уже стала женой Исландии, она внутренне, вопреки совершившемуся
факту и всем очевидностям, твердила себе, что единственная добродетель не по-
нятие стало победившим, продолжая добиваться своих прав и не. Умирая, она
думает ³ не о судьбе вечно, ⁴ "которой" она рассказывает нам в своих письмах, она
словно ищет, что очевидно и разноречиво, разноречиво, прерывается в ничто и
ла иши откровения повсюду и совершенно непостижимой для разума истины, что
Решина Олвесе принадлежит не Исландии, которая была на ней исландкой и облада-
ла, а Киртгарду, который от нее не ушел и ~~никуда~~ ^{никуда} ~~никуда~~ ^{никуда} в этой жизни
только прикасается к ней. Не знаю, как понимали и что понимали в
своих словах те, к которым она обращалась: но если то, что она говорила, имело хоть
какую-нибудь силу, то придется допустить, что и в самом деле тогда и
тогда, там и обидной случай, как разведи Киртгарда и Решину Олвесе было
событием величайшего исторического значения, более важным, чем открытие Америки
или изобретение пороха. Ибо раз все таки оказалось, что, в такой то и такой
невидимой и несуществующей перспективе, Киртгард отстоял перед самоотвер-
женностью свои права на Решину Олвесе — то все это наше "мнение" окажется
победившим. Тогда филологам придется отнестись к ¹ "жизни" и к ² "жизни", отнестись
к ³ "жизни". Тогда (разумно) — придется идти к ⁴ "жизни". Наши основоположники,
необходимо истина превратится в "пернатых шовинистов".
Даже такой милой и радикальной личности, как Джон Стюарт, не побавивший
слова "этикет", заградивший ему путь к божественному произволу — филологам
и теологам до сих пор не удалось простить ему его дерзков — не только допус-
тить, что Бог vlasten' сдвигает единственную добродетель не добродетель, а как

как не рождался онъ въспаривать законъ противоборства. Тутъ, по слоу философа,
 начинать ~~область~~ ^{область} ксерографии, т.е. это дело независимыхъ мнений — и тутъ,
 стало быть, мы принуждены видеть предельную вселенную Божью. Но прелесть напо-
 мнаний киртарадовъ, чинами ^и законами и эти мненья! ~~Но~~ ^{Но} для Бога все
 возможно, Богъ можетъ сдѣлать что угодно, Богъ стоитъ надъ
 закономъ противоборства, надъ всеми законами. Если бы у меня была бора, мы
 бы пришли бы къ концу Религии, бесчеловечное политическое развращеніе наше
 киртарады. Теперь можно сказать: когда придетъ бора, вернется и Религия. И
 все „сомнитель“ о томъ, ^{дало} ~~мысли~~ ли человеку, ^{испытанный,} ~~перенесъ~~ ^{обладатель}

[illegible][illegible]

и их пролегли и истинно в том, что на обретенную объективную автентичность и в таких же видимах или бесспорную заступу перед людьми и небом: они осуществили идеал, т.е. жили в истории, в которой жили. Но, если в Гегель и Шопенгауэ Киртгард так долго задерживался, то, если в Гегель и Шопенгауэ, то в Сократе и Платоне для Киртгарда становилось совершенно нестерпимым и истинно то, что они не в учении, не в словах, а в своей жизни осуществили свою философию: „Если этическое есть большее, то Авраам пошел“. А ведь анзистенциальная философия, как ее понимали греки и, как ее понимали сами Киртгард, когда он говорил на Сократе, все сводила к тому, что „этическое“ есть большее, что надо этическим против никакого начала. Но то повелительное требовало разум, так повелительное, что мы знаем, мы обязаны прибавить еще одно „если“, если разум есть истинный и сущностный истинный истинный, то этическое есть большее, надо этическим и есть никакого начала“. Но, что это за начало, от которого рано греческая философия так бережно охраняла свои истоки? Если дух и материя бытия не может: истина не хочет идти под начало творца, истина хочет быть несовершенной, такой же несовершенной, как и сама творец. Она отрицает, что и она и творец от этого только властвуют. И еще больше властвуют: они освободятся от божьего произвола, они станут сами как Бог, знающие истину, знающие и что такое добро, что такое зло; но некто-ли здесь еще этический, эманировавшийся от Бога истинный принцип свободы? Не наоборот ли? Не в том-ли истинность истины, что она от Бога, что она сотворена Богом, так же что, оторвавшись от Бога, представляющая себя собой, она превращается в свою противоположность и не творит, а умирает, не освобождается, а порабощается? Сама раскачивается и встает, что на нее глядит, превращается в камень. Эманирационная философия даже не ставит такого вопроса. Она представляет сотворенным истинным и разумно надлежит стремиться, как нам сказано Кант (произвола, робости, Фридриха) к свободным и необходимым суждениям, т.е. (таким, над которыми нет господина, которая сама над собой господствует). И человеку представляется, что, размышляя это, надлежит творение разума, отдавшись ему безраздельно, он участвует и истинно, и добру.

Дальше всего он в предположении, что здесь его подстерегает величайшая опасность,
(~~что те знание и то~~) что отсюда грозит ему гибель. Ниротардъ, по собственному
признанию, мало читалъ Лютера и, какъ мы помнимъ, изъ очень любилъ его. Но въ то
что такъ много ощущалъ безблагородность пенинъ, оторвавшихся отъ Бога (ver-
itates emancipatae a Deo), какъ ^{Лютеръ} ~~онъ~~. Отсюда его учение о sola fide. Отсюда и
его резкое противуположеніе закона и благодати. Законникъ человѣкъ не спасется,
законъ ~~людей и животных~~ ^{нравствъ} только учитъ ~~нравствъ~~ ^{нравствъ} казаться въ немъ нѣчто евои нѣтъ
теловой силъ. Законъ можетъ только обучить насъ работѣ и нраву божіему,
который мы такъ часто прикрываемъ видимостью гордости. Отъ того Лютеръ и

они имать способность воспринимать: ἄνθρωπος καὶ ἔχων λόγον καὶ ψυχὴν πρό-
κατα.¹⁾ философия и поэтика реальны не только, что парадоксально ἐνδεχόμενα
τοῦ καὶ νοήσεως.²⁾ Они зовут людей δραγείν ὑπὲρ τῆν ἐκείνην³⁾ тоскуют
 и тоскуют о том из страданий представляются человеческая, страдающая люди
 вторично свою судьбу и истинную разум, да не за иллюзии, и они, впрочем⁴⁾
 увидели, что там, где появились люди и были свободны, они дали постиг-
 ное и неопределимое рабство. Или они не увидели, а умышленно довели до
 него бичуя восток? И умышленно, да не без отягачи отъ разума, сами не
 зная, люди бичуют.

XVIII

Означение и Киртаре

Дать то, что люди почитают самым прекрасным, самым привлекательным,
 прекрасная моральная глубина, в которой все движется гармонично, широкое и ра-
 достное — и в ней дано твое означение.

Киртаре

Homō superbit et somniat se sapere, se sanctum et iustum esse: зовут красота вани-
 тинная опасность, в этом источнике всех опасностей. Но как человек, что
 человек представляет и производится представлять знания, как человек, что он
~~как~~ свою правдоподобность и свою "святость" ставит как бытует воит, как
ἄνθρωπος ἄνθρωπος⁴⁾ Вопросы представляются самим естественным и законом. Впервые
 и не так много именно перед лицом этого вопроса можно и до конца ~~впервые~~ впервые
 величаться в душе человека поразиться в тоске Какого рода вопрошания? Когда
 Киртаре стали догадываться о смысле библического сказания о падении,
 ему пришлось отправить из сказания все элитное, представлявшее ему нрав-
ственно или оскорбляющим Какие же представляются о восточном и
 догматом, который он начал понимать в своем сознании. Он не понимал,
 что такой парадокс библическое повествование было в расхождении с его бытием. И тогда
 попытка переложить: без злого волею да много правдоподобное и благожелательное. Но, в конце
 поразительном: Киртаре ответил лишь только на словах или только лишь фразой.
 Но. В французской свободе и все его размышлений о падении держатся исключи-
 1) "великая и поразительная доработка человеческого духа" 2) "контрастную разум и знание"
 3) "вместительство и знание" 4) "богословие".

чительно на предположении, что оно является результатом воздействия на человека
какой-то внешней, чуждой и даже враждебной силы или, что ничто и ничто
человек не имеет ни заготовленного и таинственного влечения. Первые трих проистекают
из человека, они сами нам это открыли, когда свобода человека парализована —
„в обличии“. Это значит: в свободном состоянии человек никогда не пром-
кает подобно с дерева жизни на плечи с дерева познания. Но, впрочем, библейский
Змий есть только образное выражение той же мысли: человек истинно сво-
боден к тому, чтобы ^{человеческая} ^{сво} ~~связать~~ ~~свободу~~ ~~человека~~ ~~то-же~~ ~~чуждо~~ ~~связать~~
о совершенно непостижимой для нашего разума и связи, установленной

изъ своихъ руки и ~~прогоняетъ~~, не смотря на свое бѣснiе, примазать на роки верши
тѣхъ человѣческихъ судьбъ, но не знаешь - ли это, что оны не безагротены, а сирѣчь
тѣмъ врагъ нашъ, та bellua quae non occisa homo non potest vivere! Разумъ, какъ врагъ
чуждъ и божь: величайшій парадоксъ, каковой только можно было придумать, и,
вмѣстѣ съ тѣмъ самое страшное и мучительное, что можно бы вынести на долю
одного, бѣснѣйшаго человека: quam agram paravit sibi qui majestatem rati-
onis laedit! Если разумъ не напрасенъ, если разумъ не вырывается, если разумъ
отказавшись слушаться насъ - куды итти? Кирпичарды писавъли не преувели-
чивая, когда говорили, что отказавшись отъ разума - величайшее мученичество
и бы прибавилъ только, что, по собственному почину, добровольно сдѣлали когда
нибудь хоть одинъ человекъ причина на себя такое мученичество.

[illegible]

обликовенности средств: его нитью не промисли и никак не одолеть — он сра-
жается под победителем своим, как бы ваять как чужестранец приближение опасности.
и — с нашей точки зрения — богу еще труднее с ним бороться, чем с человеком.
Бог ищется принуждением, никто не ищет не ищется. Отвергнуты
только принуждения и ничто, кроме принуждений и своих постигающих
и ищающих ему не принципам бытия, не существующих.

Кийто присвоило собі (якби сяте деще бачило теляти) предикатів бачити, наче
будто бачиш і в саміх цих думках, ~~тепер~~ ^{як} емалю вгада пронаслідати силу: і ра-
зують, ^{на} котрому ^{сво} ^{назначенню} показалося бачити бачити ^{сво} ^в ^{сво} ^{незаконномі}

того „общего“, которыми обладают нас утилитарная философия, отвлечет: нечто не монетизированное. Все рождалось за нас в падении первая человека, все рождалось за нас чужие. Наша свобода — та свобода, которой надеемся творить человека, воссоздать его не живя в обмороке, в параличе. Справедливо удивление — кто овладеет нами? Кто знает, кто в нас существует, что это кто, т.е. то, что есть, и все же не монетизированное с ним, только то было не бесцельное нечто, а всецелое нечто. Больше того, в силу какой-то беспомощности и поцелушной фальши, мы все делаем, чтобы укрепить власть и могущество нечто. Мы сами превратились в необходимость, в этическое, в вечность, в бесконечность. Наше познание, наша совесть пополнились не знанием, а, если так можно выразиться, нечестием, мы ~~уже~~ неспособны ~~уже~~ усомниться в ^{законности} ^и ~~его~~ ~~принципах~~, даже когда оно представляется нам самым откровенным требованием: в солидарности мы усматривали противоречие, а нечто нас преследует думая, что лучше признать наше убожество — только бы не было противоречия. Когда стало утверждать, что не только не обмануло человека и что порою с дерева познания дотра и эта сущность неоспоримая всей философией дующая, она была так искренна и говорила правду: ~~в~~ наша „философия“ (т.е. утилитарная) начиналась с падения Адама. „Действительное“, отдаленное во власти нечто и всецело в нем нечто прописанное, мы считали и в самом деле „разумным“, ~~она~~ ~~ни~~ всегда оправданное, т.е. и неумолимое, и неслепое. Это бы оно нам не могло — все надо признать, со всем имено примириться, все нужно поладить и в этом мире с действительным. Вроде выражение прелесть мудрости. Но это ~~только~~! Даже такой настороженности, такой беспощадности, такой чуждым молчаливости, даже ~~нечего~~ и он „поклонился“ действительности. Это философия в начале эпохи fati: не только признать, говорить о нем нам — мы должны поладить с необходимостью, которая потому и есть необходимость, что исключается возможность второй дореды. Дерзновение ничего, не зная никаких предельных. Это „что-то с другой стороны дотра и эта“, что „Wille und Macht“ звали людей к полному освобождению. Но при этом истинными „познаниями“ они ослабевали: начинали кланяться. Это было заворочено порою с дерева познания, приносящее для нас и восторг и для созерцания, и он променял волю на ~~на~~ ~~лицу~~ ~~на~~ ~~лицу~~ на покорность, любовь и рабскую преданность необходимости. Еще

торгился знанием! События каже у Платона часомо: homo superbi et somniat, se sapere,
 se sapientem et factum esse. Зловичи, отгавниши во властѣ ничто считаютъ себя зна-
 ющими, считаютъ себя праведными и не подозреваютъ даже, что чѣмъ больше крѣп-
 ность его уверенности въ своемъ знаніи и въ своей праведности, тѣмъ прогнѣе и не-
 разпоричивѣе становится чѣмъ, которыми оно сквало Ничто. ~~Х~~ Это безумное доверіе
 къ знанію, обладающему несомнѣнно, ни отъ моего несчастия и ни отъ моихъ и со-
 провождающее это доверіе убѣжденіе въ возможности, при помощи своихъ силъ
 осуществить праведную жизнь, не нашихъ мазанъ, чѣмъ я говорилъ уже, превра-
 тило Ничто сперва въ необходимость, потомъ въ зѣвотство, потомъ въ ^{вечность} ~~вечность~~
 и ^{вечность} ~~вечность~~. Въ высшей мѣрѣ показательно, что тотъ же Ничто ^{впередъ} ~~впередъ~~ за
 всю исторію европейской мысли получалъ въ Сократѣ декадентъ, т.е. наизящно чуждо-
 по еврею ~~ее~~ мудрости Сократа, превоснесеннаго азиатскимъ Богомъ, ^{чуждомъ} ~~своимъ~~ и атомъ
 fati, который посвящаетъ и торгилъ Ничто, какъ своей исключительной валютой,
 азиатский Богъ не могъ не превосходить Сократа: онъ и самъ принужденъ былъ
 къ извѣстной необходимости: властвѣ fati, и вѣдѣли, распространяется и на
 смертныхъ, и на бессмертныхъ. Двѣнадцатое такъ-же мало принадлежитъ Богу,
 какъ и чуждому. Оно во властѣ Ничто, которому оно не чуждо и которое изъ чуж-
 да не подпускается къ нему, и къ тому оно чуждѣе всего. Ничто сдѣлало такъ, что все тѣснѣе,
 все угнетѣннѣе, все изгнѣннѣе, покорное „закону“ фѣнѣнѣ и фѣнѣ, ^{г)} ~~фѣнѣ~~ ~~и фѣнѣ~~, ~~фѣнѣ~~ ~~и фѣнѣ~~
~~и фѣнѣ~~ ~~и фѣнѣ~~ „знанію“. Двѣнадцатое охвачена временами, которое отъ Рю и рас-
 поражается, такъ что слову отъ насъ ничего не остается: прошлаго чуждѣе,
 будущаго еще чуждѣе, а настоящаго, ущемленнаго между еще не наступившими
 будущими и уже канувшими въ Лету прошлыми, превращается ^{въ прошлое} ~~въ прошлое~~, въ
 прошлое, какъ превращается ^{въ прошлое} ~~въ прошлое~~ ^{въ прошлое} ~~въ прошлое~~ Режина Ольсенъ, когда Ниргардъ
 пытался поговорить къ ней. И никто въ мірѣ ~~ничто~~ ничто не можетъ подняться про-
 тивъ извѣстнаго „закона“ бжтій, установленнаго вселющими Ничто: все безсилно,
 какъ было безсиліе Серенъ Ниргардъ — только никто не сознаетъ и не угадываетъ
 своему безсилію. И вѣнѣе Ничто различенъ между мудрыми и глупыми, между чѣ-
 ными и невинными. Божье тѣло, мудрое и чуждое оказываютъ еще больше
 слабости и безсильности, чѣмъ глупые и невинные. Ибо мудрость и знаніе

О „прошломъ и будущемъ“

и беззаботностью молодости всегда скрывается дремлющее отчаяние, которое оптимизм
 «слепит», при известной логичности, легко можно разбудить. В насущнейшей роли
 Кирсарда, с которыми титансы познакомились в предыдущих главах, опираясь на
 Сократа и его «знание». Каждый раз тогда как-то эта причуда ^{Кирсарда} ~~не~~ ^{еще} при
 чтении св. писаний ~~заставляет~~ ^{заставляет} «отключить» свое внимание от «туда» и сосредоточивается
 на «здесь» и «здесь» — так в книге «Витий» и «Витий» «здесь», «отключить»
 внимание «от» дерева жизни и возложить свои упования на дерево познаний — Кирсарда,
 сознательно или бессознательно искал помощи у того, кто «до христианства» был
 самым замечательным человеком всемирной истории». Сократ для них необходим, без

Бог и тьма и торжество? Вещи-лидове, все - милосердие, все, как обещивали и мерт-
вым, и живым лишь только на открывающихся предъ нимъ чинахъ - и холоду и

X/X

Свобода

Возможность свободы не въ томъ, что мы можемъ выбирать между
добромъ и зломъ. Такое понимание такъ-же мало соответствуетъ
писанию, какъ и философии. Возможность - въ томъ, что мы можемъ,
христараде.

Теперь я думаю, объяснилъ предъ нами, что разумелъ Лютеръ, когда онъ гово-
рилъ о бѣдѣ, qua non oseea homo non potest vivere, въ нихъ, точно въ злѣбныхъ
всехъ экзистенциальныхъ философіяхъ въ ихъ противоположности философіи гуманизма, въ
ей нета чиста не "закона", которая отказывается въ покровительствѣ человеку, а
"homo non potest vivere", и борьба - съ методомъ разсужденія истины. Теперь такое наше
будетъ понятна и божественная зависимость Лютера къ человеческой мудрости и къ есте-
ственному знанію, пытавшаяся и поддерживать въ немъ учение ап. Павла о законѣ
и благодати. Я приведу еще два отрывка изъ лютеровскаго мемуара въ помя-
нутъ въ запискахъ: они дадутъ намъ возможность еще ближе подойти къ истинѣ
нашей христарадовской экзистенциальной философіи и увидимъ, какою пропастью
отделяется она отъ экзистенциальной философіи Фреда. Лютеръ пишетъ въ это
даже самыми потрясающими описаніями ужасовъ, такъ не паустася, какъ если
онъ живъ, почти безреченъ, но въ ~~прав~~ вѣрно исполненъ направленіи сироты,
~~пожелавши~~ ~~пожелавши~~ ~~пожелавши~~ намекните, что она сама знаетъ, о чемъ идетъ речь. Конечно, она
этого не знаетъ. Но никогда рефлексія не обезнечена такъ вѣрно ей доброты, какъ
въ тѣхъ случаяхъ, когда она истощаетъ свои силы изъ ничто. И никогда вы-
скажи такъ полно себя не вправдася, какъ тогда, когда она сама - ничто. И
пучина огромная рефлексія, вторичная, пучина великая вѣра, тогда бѣтъ въ силѣ
вѣдраніе рефлексію на ничто, т.е. безконечную рефлексію. (VIII 22)

сбои въ мѣнѣ. Нога мѣнѣ дана на нѣм, нѣмъ нѣмъ нѣмъ
и нѣмъ въ нѣмъ, нѣмъ не нѣмъ нѣмъ и нѣмъ нѣмъ нѣмъ
нѣмъ нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ
нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ нѣмъ

св. перев. на рус. яз. по рукописи

omnia dona quae habes, spiritualia et corporalia, quaecumque sunt sapientia, iustitia, eloquentia, potentia, preclaritudo, divitiae, instrumenta et arma sunt ipsius tyrannidis infernalis (h. peccati), hisque omnibus cogere servire diabolo, regnumque eius commovere et augere¹⁾. «Всё что у тебя есть, и духовное и телесное, всё что у тебя есть, и мудрость, и справедливость, и красота, и сила, и богатство, и орудия, и оружие, всё это — раба твоего дьявола, и всё это — для того, чтобы ты служил ему, и чтобы ты возмущал его царство». nihil fortius adversatur fidei quam lex et ratio, neque illa duo sine magno conatu et labore superari possunt quae ^{tamen} modo superanda sunt, si modo salvari velis. Ideo, cum conscientia perterrita lege et luctatur cum iudicio Dei, nec rationem, nec legem consulat, sed sola gratia ac verbo consolationis nitatur. Ibi omnino sic te geras, quasi nunquam de lege Dei quidquam audieris, sed ascendas in tenebras, ubi nec lex, nec ratio lucet, sed solum aenigma fidei quae certo statuat te salvari extra et ultra legem, in Christo. Ita intra et supra lucem legis et rationis ducit nos evangelium in tenebras fidei, ubi lex et ratio nihil habent negotii. Est lex audienda, sed suo loco et tempore. Moses in monte existens, ubi facie ad faciem cum Deo loquitur non condit, non administrat legem, descendens vero de monte legislator est et populum lege gubernat²⁾. И вот почему, что Киреевский не понимает Апокалипсиса. Но апокалипсическая sola fide, в противоположность со комментариями не понимает, равно как и остальные писания со, ввиду верного понимания Киреевского. Пока философия имеет свои границы и границы, она понимает свое завершение в «понимании». Но когда ^{КБ} не происходит со своими вопросами, связанными не с fugere et defendere, отчаяние — это может быть только «понимание»? Все «гара», которые не являются объектом разума — истина, справедливость, красота, бесконечность против отчаяния, знаменующая собою конец всяких возможностей, полное безразличие. Мало того, объективизация, это эти гара — не сознания, а безразличные брати ^{сущи} мира, а счастливый ^{ар} человек счастливый человек. Истинный разум, который, в свое время и на своем месте, должен познать и понять, когда он становится автономным, когда он освобождается от Бога (veritates emancipatae a Deo), когда он облекается в ризы бытия и несомненности — перестают быть истинами. Они ~~сами превращаются в~~ ^{окаменываются сами} окаменываются и становятся, что не может

мифов, превращаются в мифы. Общепониманию сознания это кажется бе-
зумием. Это, если угодно, и есть безумие: как можно пролить свет
поэтому? Не только Бонапарту, всем нам представляется самоочевид-
ным и в своей самосознательности абсолютно бесспорным, что вора держат
на истинных и что, стало быть, вору можно защищать теми же способами,
какими на нее нападают, и что, откашлявшись от этого, мы навсегда
фиксируем и придем к вору. Но Лютер Лигане открыло совсем иное: когда
Моисей ^{предстал} ~~появился~~ лицом к лицу перед Богом, все истинно, все законы и повеле-
ния, истинны, как будто их никогда и не было! Моисей был бессмен

когда безвольное и немощное, оно превращается, по слову творца, в гварде воина. Печаль никто не будет окончательной и навсегда истреблена, человек не может и мечтать о свободе. И, наоборот, истинная свобода, утраченная нами в тот таинственный момент, когда законодательные непонятливы и загадочны гвардии наши правители оторвались от дерева жизни и выжили от природы дерева познания, вернется лишь тогда, когда познание потеряет свои власти над всеми, когда он в магном стремлении разума ко всеобщему и необходимому истинности, т.е. *veritates stampatae a Deo* разгаданы, наконец, т.е. *conspicienda* ^{и (неподъемное восхождение)} *conspicienda*, через которую пришел в мир грех. И помыслив это гласе Киркегарда казавшего, что невзгодие есть сон души. И среди многих друзей встанет истина, эта истина представляется ^{как} *неподъемной* и самоотверженной раз excellent. Но это не истина, а изобретение, изобретение сон, почти смерть души. Знание поработит человеческую волю, порчит ее стесняя истинность, по самой своей природе братствующую ^и со всем живым, со всем, способным жить как-нибудь проявить свою независимость, невинностию паряду с добротой Божьей. Тут же „обморок свободы“ ¹⁾ к которому у Киркегарда связано падение человека — есть чуждое воспоминание существования знания, с которым, правда, „критика чистого разума“ не могла и не хотела считаться. И наоборот: состояние невзгодия, состояние свобода от знания есть начало раскрытия чуждого человека. Невзгодие не есть нечто отрицательное, какое то отсутствие, какой то ущерб, как и свобода есть не недостаток и отрицание, а утверждение великой чуждоты. Невинность не хочет знания, она знает знание (вплоть до полного платоновского *δραχμῶν ἐπὶ τῇ ἐπιστήμῃ*), как и тогда знание и воля Жото, кто сотворил по своему образу и подобию человека. И если Киркегард является тиром чуждоты свидетелем. „Страх есть обморок свободы, говорит он нам. Психологически говоря грехоподение происходит всегда в обличном состоянии“. И тут же нас посылает: „Кто страхи чуждоты комплексом предчувствий, в которых индивидуум порождает все близкое и далекое, хотя они

1) „Обморок свободы“ есть волевым переводом „любовной“ „de servo aeterno“ — порождение чуждоты воли, т.е. воли, которая ищет истины не через веру, а через разум.

свободе у ^{небывшей} ~~первой~~ творца, отъ невольнаго что связываетъ съ его несумнѣннымъ раз-
личіемъ добра отъ зла. И это Киркегардъ, который такъ странно удобоудачно на-
звалъ свободу- есть не возможность выбирать между добромъ и зломъ, что такое
пониманіе свободы есть господство, что свобода- есть возможность.

И, вѣдь, можно: если бы свобода была свободой выбора между добромъ и зломъ,
то тогда ~~бы~~ эта свобода должна бы быть присуща и самому творцу, какъ
существу, свободному разъ естеству. И, стало бытъ, вполне допустимо было бы
предположить, что, или въ выборъ между добромъ и зломъ, творецъ предполагаетъ
то зло. Вопросъ этотъ для настоящихъ силъ интерпретации факта свободнаго
вои произвольной воли. ~~Правда~~ ^{Правда} было отназваться отъ него, что свобода есть
свобода выбора между добромъ и зломъ: непонятное эмпирическое утвержденіе сред-
ствомъ не только и не только отъ этого рождается такая этическая отъ эти-
ческой. Котора было тоже допустить, что Богъ, "справъ" отъ этого предположенія эту
прелесть добра.

И ^{изъ} ~~предположенія~~ этого, "непримиримого противоречія" - которое знаменовало собою
нравственную противоположность между библейскими откровеніемъ и эмпирической
философіей - и родилось "порабощающее" ученіе Дунга Скотта, взорвавшее
все традиціонное ученіе, на которое строилось его предшественниками хри-
стіанская этика. Онъ вводитъ разницу произведенія то страстное, непонятное
для разума поиманіе слова, которое такъ тщательно скрывалось уже
вращающимися философами: произволъ. Богъ есть- произволъ, подъ богами нѣтъ
начала, нѣтъ закона. Богъ, что отъ прелесть- есть добро. Но, что онъ отъ
вергаться есть зло. Богъ не выбираетъ между зломъ и добромъ, какъ гуман-
ный, дари своею любовью добру и ненависть зло, наоборотъ: то, что онъ
любитъ- есть добро, то, что онъ не любитъ есть зло. Богъ и добро, и зло
творитъ изъ не оказывающаю ему никакого сопротивленія Ничто, коимъ
онъ сотворилъ и весь міръ изъ ничего. Сказавшійся за Дунга Скотта
эпохальныи философъ Вильгельмъ Виллемъ съ еще большимъ разностно

1) У. К. "Возможность свободы состоитъ не въ томъ, что мы можемъ выбирать меж-
ду добромъ и зломъ. Такое предположеніе такъ же мало соответствуетъ истинѣ, какъ и
милитаризмъ. Возможность состоитъ въ томъ, что мы можемъ."

развивать их-то поощрений. Не можете забыть никакого солдата, что утонул. Душа Скотта и Окинса находится в полном соответствии и с духом, и с буквой св. писания. Но для умозрительной философии произвол, ничем не ограниченная свобода, воля божья — эсхатизм, как приговор. На произвол умозрительная философия ничем не может строгить, она терпит под собою почву. И, в самом деле, Окинс и Душа Скотта являются последними самостоятельными и самостоятельными средствами — объектами или как кажутся, „разложение сложностей“, как полагает философия, так с со- *φραγὲν ὑπὲρ τῆς ἐπιστήμης* стало невозможным

лась: cupiditas scientiae, которая привела человека к падению. „Qui vitiorum
 omnium catervas moliebatur inducere, cupiditatem scientiae quasi ducem exercitus
 posuit, sicque per eam infelici mundo cunctas iniquitatum turmas invexit“. В то же
 время Кантовская „критика“ усматривала призрачное нашествие „чуждого расчла“,
 в то же время нечеловеческие видения и видения до сих пор частью неясною познать,
 во тьме познания, открывающего нам, что существующее необходимо формирует
 существование так (или оно существует), а не иначе - глаза ермеевского
 монаха разлагаются первоначально ~~в~~ ^в ~~то~~ ^{то} ~~же~~ ^{же}, от которого содрогнулась вся душа, то,
 как от разлагающего действия смерти и уничтожения. Которого такого - ни и-

[illegible]

тщательнѣе разсчитывающѣ на поддержанію "обязан", пока онѣ болѣе не потерянѣ
погубу подъ ногами, отъ которыхъ онѣ погубѣ, пока онѣ не показались на истиннѣ
разума и свои добродѣтели, онѣ все въ власти своей злѣйшаго и безумнѣй-
шаго брата.

XV

У Духа Святаго ~~наименѣе существующее, este qui negant aliquid ens contingens~~
существен

Богъ и принуждающая истина

Для Бога все возможно - эта мысль есть мой разумъ въ изум-
ляющій мнѣ міръ слова и приобрѣла для меня знаніе,
долженъ думать и мой самъ когда нибудь думать въ
Киргизахъ

У Духа Святаго не существующее существующее въ своемъ родѣ необходимос, но
отъкровенности, признаніе: este qui negant aliquid ens contingens exponendi

напрямомъ въ себя, и другихъ существъ въ мірѣ не можеть показаться другому. Но воображаясь,
что если два существа находятся въ одинаковомъ положеніи, то они поймутъ другъ друга
.. Но другихъ разорѣе въра не можеть изгнать помощи другому въ разорѣе въра. Существъ не
можеть только считать разорѣе въра, если оно безъзастѣсливо на себя направлено —
иное онѣ никогда разорѣе въра не станеть. Мобаризмъ въ этихъ областяхъ
невозможенъ. Каждый существъ самъ ^{своей} (долженъ) признаетъ, что онѣ разумнѣе подъ
своими итакими... И, если бы кто нибудь оказался на столько тѣлеснымъ и
малкимъ, что понималъ бы станъ разорѣе въра, возмозъ въ это отвѣдѣн-
ность на другомъ - и въ это все равно ничто ^{бы} не было. Ибо ~~отдѣльный~~ существъ,
именно какъ отдѣльный существъ, только и можеть считать разорѣе въра.
И въ этомъ величѣ, которое я могу понять, но до котораго не могу достигнуть
.. Въ этомъ все и утасно - что и понимая еще лучше.

[illegible]

[illegible]

всё же теодицея

Самые трудные в этом не парадоксы (ссылка на Аристотеля, утверждавшего —
тотальность ^{этого} — то в мире не роду с произвольными рождением и про-
должением, но все мы с собою с такими не правым и на столичности,
как от этого существующую не приобщения или общей соображения о деисе-
хизме. Могут быть, потому бытие что нас не бесспорно сменяемому
бессмертному на его размышлениях: „On demande d'où vient le mal. Les an-
ciens attribuaient la cause du mal à la matière, qu'ils croyaient incréée et indé-
pendante de Dieu ... Mais nous qui devons tout être de Dieu, où trouvons nous
la source du mal? la réponse est qu'elle doit être cherchée dans la nature idéale
de la créature autant que cette créature est renfermée dans les vérités idéelles
qui sont dans l'entendement de Dieu indépendamment de sa volonté. Car il faut
considérer qu'il y a une imperfection originelle dans la créature avant le
pêché, parce que la créature est limitée essentiellement, d'où vient qu'elle ne
sait tout savoir et qu'elle peut tout se tromper et faire des fautes". Труднее
представить, что функцией существования материи, несотворенной и
независимой от Бога, может быть атомизм, галки от опровержения
истины. Но поставит вопрос о Боге и нас Богам изгнания истины,
при этом, что изгнания истины не сотворен, а вечно, что его истинно, зна-
чим „воспоминание Бога, вознесение его, означать ему крест. Правда, от сего при-
наслед, что все зло в мире произошло от того, что несовершенны
истины, не справляясь с волей Бога, какими то образом прообраз
в его понимании — казалось бы это должно было его встревожить. Но, ни-
чего не должно. Вся теодицея, т.е. „оправдание Бога“ держится на том,
что Бог не дал продолжать не или сотворения истины. Такими
образом теодицея не столько оправдывает Бога, сколько оправда-
вает зло. Разум, каково стремление понятие существующее, как
такое, которое не может быть или, чем оно есть, доблесно своему.
² „Вопрос“ уже не разрознен, а усовершенствован и он считается,
что задача философии окончена. Пусть понятия — но и словесно,
и Бог приведен к повиновению. Мир должен быть совершенным,

Лейбниц хотел соединить св. Иисуса, то есть его и догматическую
бы в несовременных ^{богословных} ~~методов~~, именно в виду того, что они несов-
ременны ^{Богословные} ~~Богословные~~ или хотя по крайней мере не старались разрабатывать
универсальность, объективность, истинность и тому *valde bonum*,
которое по слову творца сообщалось всему, что им было создано
и бытием. И, быть, в самом деле, не смотря на всю идеальность
и, впрочем, истина так же безучастна, так же не безвольна,
тоже не мучима и призрачна, как и несовершенная материя, грехов.
Они пришли от Креста и рано или поздно вступят в него. Лейбниц
еще в юные годы, почти подростком, читал лютеровскую книгу о
порабощенной воле ^{"как"} ~~и~~ *de libere arbitrio* Агостина
Романского, против которой она была написана, ^и ~~но~~ побуждала,
не смотря на ~~его~~ молодость, превзойти размышления в аргументацию
спорящих сторон. Но лютеровская ["] ~~но~~ *non potest vivere* ["]
различная, хотя и не говорящая, а прощая. Прощая и не
против истины, прощая и, следовательно, мучая, то она прощая
бы волю творца, ~~и~~ не отрицая его согласия, но против иудей, кото-
рым, как вразум, не чувствуют, что эти великие истины, проки-
нутые в нас разумом, поработили и парализовали его волю. Дит-
тенхо Лейбница, как и глас Лейбница старика ^и ~~но~~ *non potest*
^и ~~но~~ *non potest* ^и ~~но~~ *non potest* ^и ~~но~~ *non potest*
быть противобольшею "отвечать", на которых встали исти-
ны отчаяния и благодаря которым они претендуют на незави-
симость от Бога. И не меньше, конечно, тоже догматическое, что
наша приверженность не истине, просящая в разумный Бог
независимо от его воли, а есть результат того иудейства, в
котором рассказали в Иисусе, что на самоочевидностях ленив
проявить себя и что разумная или спекулятивная философия так же
бесблагодарна (т.е. не освещена божественным *valde bonum*), как и
все ~~ее~~ и много с дерева познания добра и зла. Первоначальный грех

глас Лейбница, какъ и глас эмпирической философии, спускаясь, точнее -
 выходясь, съ которыми изъ уважений, но были признаками священно и истинно,
 спорить не съ фактами, но съ которыми считался серьезно несвобод. Скорее бы
 изгнать изъ Лейбница, сколько бы изгнать изъ философии и аполлоны, философы
 знаютъ, что проща ~~всѣхъ~~ истинъ различна не раздробить. И, если даже
 и кажется, какъ это Лейбницъ и самъ признавалъ, что все зло въ мирѣ
 произошло отъ вѣтхихъ истинъ - это не поколеблетъ ни вѣтхихъ истинъ,
 ни благовѣстий, которое изъ вѣтхихъ истинъ питаетъ философию. Истина,
 по самой своей сущности, не допускаетъ колебаний и не терпитъ колебаний въ
 людяхъ, на нее изъясняются: гласъ колеблющихся у нея заточенъ истинно. Она
 ясно требуетъ, чтобы ее признавали такою, какою она есть, и эти вѣтхихъ
 бодрости, эти ^{блжнны} призывы торжества и утверждения сего на свою несо-
 борность и несамостоятельность отъ воли божьей да то ни было сущности, да
 всемогущаго божья. И тутъ, очевидно, мы попадаемъ въ заколдованный кругъ,
 изъ который вырваться какою бы то ни было обаяниемъ способами. Все "арху-
 менты" на стороне несоборности истинъ. Съ ней спорить нельзя, ^{съ ней} истинно она
 борется, се лично сброемъ съ собою, какъ чужое наводнение, какъ пош-
 ларство и чужие. Но "разумъ" никогда по своему почину не найдетъ борьбы.
 Разумъ "тако стремится" къ несоборности истинъ, да же очевидно
 не прихвастывая, что въ несоборности ихъ укралась смерть и жизнь и что
 при всей своей "целостности" онъ таитъ въ себѣ не менее угрозу всему живу-
 щему, чѣмъ "матеріи" древнихъ. ^(да буд^{те}) Разумъ божественное или библейское fiat;
 величайший соблазнъ, что разумъ и жизнь сама величайший соблазнъ, и именно
 потому соблазнъ, что она свята и безусловна въ творческомъ fiat, которое
 разумъ на своемъ языкѣ переводитъ независимымъ или свободнымъ произволомъ.
 Разумъ потому такъ строго воспринимаетъ чужую *videre et detestari*, и такъ
 повнимательно требуетъ отъ него *intelligere*. *Intelligere* значитъ признать и
 бытоставить несоборность истинъ, удивительна ^{и-ти} и представлять ихъ. Все
 это проклятіе чуждымъ напредкамъ даже разъ на то, что разумъ при-
 метъ и бытоставитъ и пренебрегаетъ все на истинѣ, которая ^{оч} воспринимаетъ, что

[illegible]

словеску, который за несколько столетий до Кирсарда говорил с немощным надри
воли и изступлением ~~и~~ о рабской воле, только Кирсард об "обмороке свобо
ды". В Лисане Лютера больше всего привлекло именно то, что в лисане груши
чужой оттаивает. Это пахнет оттаявшим и ароматизированным онцисом спасения
^(вспомнишь влюблен)
в тенью fides безумия и немота наша воля, которую разумные тонкие тысячу
оно нас скрывает, правдиво тут, что или только и держится его сила - Лютер
испытать так же, как и Кирсард. Он убедился, что рабская воля не
может быть человека из того, что ему ничего нет, и что работа и бесение
были имеют своим источником истины, который нам подкапывали разум.
Оттого был так безудержно, грубо и глупо несправедливо нападать на схоласти
ческую философию. Зримое и незримое присутствие Аристотеля в системах бети
ных схоластиков было воспринималось как оскорбление и вызов Откровению ме
тихи. Для него Аристотель был воплощением той concupiscentia sapientialis, той
curiositas scientiae, которая овладела человеком, естественного он плодоте зап
рошеной дери, ее же он видел великая, qua non occisa homo non potest vivere.
Индивидуальная философия Кирсарда находится в преемственной связи с
sola fide Лютера. Задача человека не в том, чтобы принять и ощуше
твить в жизни истину разума, а в том, чтобы силой веры расставить
эту истину: инаде говори - оторваться от дерева познания и вернуться к дереву
жизни. „Homo non potest vivere“ Лютер, вдохновленный лисаном, осмысливается
вызвать как возражение против самоочевидности разума, подобно тому
как вопли и проклятия Юба ~~этот~~ возмущают Кирсардом как возражения
против доводов умозрительной философии. У Лютера, как у Кирсарда
мышление обращается к более измученному - второй - представляющему или объек
тивному сознанию фактически существующему. Замечательно, что учение
Лютера органически связано с ~~учением~~ учением последних великих спора
тников Дунс Скота и Оккам, с которыми начинается развитие схоластиче
ской философии. Божественный производящий, производящийся Дунсом Скотом,
подорвал в корнях возможность философии, отрицающей создание и при
мирять откровение с истинным разумом. Но это тем самым не поглотило

[illegible]

genus cognitionis, cognitio intuitiva, которое превращается непосредственно в актуальное сознание в необходимом истинно. В непосредственной фактальности сознания — в ника-
ких законах, никаких истин не найдется, только интуиция. Кем в них ~~то~~
закона происхождение, лишь в них закона достаточная основа, не найдется в них
ниже тоже и той самоочевидной истины, что quod factum est infectum esse acquit.
"Усмотрит" все это в свете истины, даже через oculi mentis, которые Спиноза при-
равнивает к demonstrationi: можно это только в опыту прибавить. В опыте
и состоит истинная истина, которая опыту только разграничить и которая
точно стремиться ко всеобщим и неоформленным истинам, только всеобщим и
неоформленным истина являются истинные знания. Если этих опытов есть бесспорное,
жизненное, истинное и обусловленное существование событий. Везде нас подстерегают
напрямую fiat, везде просят нас произвольных, истинных, пролив fiat не вобла-
щая, неиндифферентности. Знание и только знание должно положить конец ~~этому~~
произволу. Истина есть право: отказавшись от разума, отказавшись от истины,
или отказавшись от нас в высшей степени. И тогда он был прав, когда, словно пророчески
предсказывая, что разлучит в Англии с организационными духовными потоками, духом
Скопца и Оккопца, он в "Земле" властно, от имени Сократа, заявил, что
идея добра не соизволен, что она — наша Божья, что святое не потому свято,
что оно любимо Богом, а что Богу потому любимо, потому что свято, что
он свято. Платон ~~начинает~~, ~~так~~ давал себе совершенно ясно отчет, что мо-
рально истинно на стороне истины и, что, если она покинет свой пост, исти-
на не одобрит, истина и добро — несовершенство: Бог и в своем познании,
и в своем отношении не в мысли, не в чувствах, не в людях, осужден на повиновение
морали истины и морали. Non videre, non audire, necne detestari — sed intelligere:
быть первая заповедь телесная и действительная истины, пред которой
все библейские заповеди должны отступить на второй план. Потому — ввиду
того что и эти церкви, и схоластика постоянно ссылались на библейские тексты,
приходится сказать: библейское учение, прелесть, тем же ~~фактически~~ предположили
аристотелевской философии, превращаясь в свои противоположности. Справедлив
понятие, intelligere должно и продолжение убогих ~~фактически~~ самих учений людей

[illegible]

и истинно, исправляя св. писание и творчество, когда Кемаль-паша становится
мечом Божьим и его распитием и едой и влюбленным в себя, "чистое" милосердие
препятствовало блаженству в сознании своей беспомощности и бедности. Правда, мы зна-
ем, что все приписано Киркгарда или вверено у него на выдумку. Но все же, так
или иначе, Киркгард, во власти монаха и Киркгарда, и мы все осуждаем в значительной
степени существование, которое страна перасказывает своим спутникам нашего милосердия.
Мы всего боимся, мы боимся даже Бога и не признаем в Его имени силу, не удивля-
емся впереди, что Он не может не присутствовать. И ^{никакие} "разумные" слова не могут разот-
нать этот страх. Разумные вопросы, наоборот, питают его.

Отсюда и берет начало Абдулла. От Абдулла, бывающего чинами Божьими, Киркгард
узнает о грехах и научен вину грехов, что на него указывают писания
противуположное понятие греху есть не добродетель, а свобода. Свобода от всех
страхов, свобода от принципов. Противуположное понятие греху - и это
ему открыл Абдулла - есть свобода. И это то, что труднее всего воспринять помы-
слы экзистенциальной философии Киркгарда, что он сам труднее всего вос-
принимает. От этого он и говорит, что Божья есть безусловная доброта и любовь
за возможное. Экзистенциальная философия есть доброта вне всякого разума о возмож-
ном, вечно о невозможном. Киркгард не скажет, впадая за умеренностью
философии: субдо, ut intelligat. Он отбрасывает, как психическое, как мертвящее
еще intelligat. Он вспоминает пророка: justus et fide vivit. Он вспоминает
Августина: все, что не от Бога, есть грех. Только Божья, не считающаяся ни
с чем, никто не знающий и зная не исключающий - только Божья может быть
источником сотворения Божьих истин. Божья не спрашивает, не вопрошает,
не оговаривается. Божья только высказывает то, что она знает, что есть,
есть. И если умеренная философия ^{и правдивость как подлинное и истинное,} изводит из данного и самобытности,
то философия экзистенциальная перевернула и продолжает все необходимости
и верою вера не повелевает призваний идти в страну, которую и так получили
в наследство; и потому, сам не зная, куда идет. А кто-то придет в отбыва-
ющую землю, не имея знания, где знающая словесная отбывающая земля не
существует. Отбывающая земля там, куда пришел врывающийся, она там об-

1) "Ах, что-то пошло"

и аз въ нѣтъ нѣтъ въ чинахъ кинѣ, породѣиши азъ нѣтъ азъ кинѣ! Бегуна
Борба за вѣдѣи нѣтъ, ^{више сѣ} нѣтъ Бегуна нѣтъ азъ въ азъ азъ азъ азъ азъ
Абрама, Бегу, Исаака, Бегу, Якова.

Оглавление.

Вмѣстѣ предисловія: Киргелардъ и Достоевскій.Глава первая : Товъ и Тегель.Глава вторая : Мало въ плоть.Глава третья : Отстраненіе этическагоГлава четвертая : Великій соблазнъ.Глава пятая : Движеніе вѣровъ.Глава шестая : Вѣра и грѣхъ.Глава седьмая : Страхъ и кичѣ.Глава восьмая : Тегель и Рокъ.Глава девятая : Знаніе, какъ паденіе.Глава десятая : Местное христіанство.Глава одиннадцатая : Страна и первородный грѣхъ.Глава двѣнадцатая : Власть знанія.Глава тринадцатая : Логика и грѣхъ.Глава четырнадцатая : Автономія этическаго.Глава пятнадцатая : Порабощенная воля.Глава шестнадцатая : Богъ есть любовь.Глава семнадцатая : Киргелардъ и Лютеръ.Глава восемнадцатая : Отпаденіе и кичѣ.Глава девятнадцатая : Свобода.Глава двадцатая : Богъ и принуждающая истина.Глава двадцаті первая : Плана искупленія.Глава двадцаті вторая : Заключеніе.